

Вне закона

Автор:

[Андрей Круз](#)

Вне закона

Андрей Круз

Кто я? Что со мной произошло?

Ссылный – всплывает формулировка. За ней следующая: зовут Петр, но последнее время больше Питом звали. Торговал оружием.

Нелегально? Или я убил кого? Нет, не могу припомнить за собой никаких преступлений. Но сюда, где я теперь, без криминала не попадают, это я откуда-то совершенно точно знаю. Хотя ощущение, что в памяти до хрена всякого не хватает, как цензура вымарала.

Вот еще картинка пришла: суд, читают приговор, дают выбор – тюрьма или сюда. Сюда – это Land of Outlaw, Земля-Вне-Закона, Дикий Запад какой-то, позапрошлый век. А природой на Монтану похоже или на Сибирь Южную. Но как ни назови – зона, каторжный край. Сюда переправляют преступников. Чистят мозги – и вперед. Выживай как хочешь или, точнее, как сможешь.

Что ж, попал так попал, и коли пошла такая игра, придется смочь...

Андрей Круз

Вне закона

© Круз А., 2015

* * *

Краткое введение

Главный герой этой книги – оружейник. Поэтому он много рассказывает об оружии. Это его профессия. Если читателю это неинтересно – не надо читать, в общем. Не понравится. Точно говорю.

Вдоль реки

Темнота, тишина, запах пыли и свежего дерева. Еще хвоей пахнет. Попробовал пошевелиться – подо мной захрустело, жесткая ткань царапнула щеку. Ага, я лежу. И еще чем-то укрылся. Только вот где я лежу и зачем? Как-то сразу сообразить не получается, соображалка вообще работает как-то натужно и совсем неэффективно.

Открыл глаза – ну, не такая уж и темнота вообще-то. Вокруг меня стены из нетолстых, плохо оструганных бревен, через крошечное окошко, кажется даже без стекла, пробивается тусклый свет. Интересно...

Приподнялся на локте, огляделся – даже не пойму, то ли домик такой, то ли сарайчик, то ли черт его знает что. Сторожка. Скворечник. Избушка на курьих ножках. Повернись туда передом, а сюда задом. У стены топчан, кое-как сколоченный, на него навален еловый лапник, уже сохнувший, пожелтевший местами. На этом лапнике я и лежу, укрытый... пальто каким-то, даже шинелью, наверное. Точно, шинель, хоть и не военная, а так... черт его знает какая. Просто шинель, как хочешь, так и понимай. Или все же пальто?

Кстати, о понимании: я что-то вообще не очень понимаю, что я и где. Стоп. Сесть, сосредоточиться, вспомнить, кто я, где я и почему. А то все странно как-то.

Сел, опустив ноги на пол, заодно обнаружив, что спал босиком. По ногам резко потянуло холодом – под дощатую и щелястую дверь можно ладонь просунуть, а то и две, вот оттуда и тянет. Пол тоже так себе сделан, на таком ни одна лужа не задержится, доски кое-как друг к другу пригнаны и еще покороблены. Так, а вон и сапоги, к слову...

Почему-то само слово «сапоги» резануло по сознанию. Что-то не так. Нет, не с сапогами не так, с ними как раз все в порядке, стоят тесно так, парой, на их голенищах чистые портянки висят, а что-то другое. Ну, как будто у меня сапог быть почему-то не должно, вроде как из другой реальности они. Из кино, например. Или из детства – отец в наряд собирается, наматывает портянки, затем с усилием натягивает высокие хромовые сапоги. Как-то так. Но это не про меня, точно. А я такого не делаю... нет, делаю, но не здесь, в армии, а в армии я был очень давно.

Потер лицо ладонями, помотал головой. А затем вдруг ощутил, что страшно хочу пить. Просто дико, невероятно хочу. Язык как наждачка, весь рот липкой слюной затянуло, и заодно привкус каких-то лекарств ощущается, даже в носу, словно в аптеке спал. Огляделся, увидел флягу. Обычную такую алюминиевую флягу, в простеньком брезентовом чехле. Она на полу, в куче других вещей, из которых я ни одну не могу узнать. Нагнулся, протянул руку, потряс – вроде полная. Осторожно отвинтил крышку, понюхал – внутри вода. Немного, фляга на литр примерно, не больше, но вода есть. Глотнул осторожно, на кончик языка плеснул – точно вода, свежая и даже холодная, тут вообще не жарко, а на полу так и вовсе дубак невыносимый. Глотнул смелее, еще смелее, потом сам себя сдержал – что-то другой воды здесь не вижу, а я ведь до сих пор ни черта не понял. Может быть, это вся вода до... не знаю, не важно, торопиться ее всю выпить будет плохой идеей.

Откинув в сторону длинное пальто, или все же шинель, из серого, похожего на войлок сукна, оглядел себя – нижняя рубашка из простенького серого трикотажа, такие же... ага, кальсоны. Вот как. Вообще странно. На лыжное белье смахивает все, но на очень простенькое, дешевое-предешевое. Но теплое. Вывернул швы – никаких этикеток, кроме маленькой: «Сделано во Вьетнаме». Еще одежда? Ага, вот она, прямо в ногах лежит. Штаны из грубой ткани вроде

тонкого брезента, все сплошь в карманах, и свитер. Грубой вязки, опять же серый, локти и плечи тканью обшиты. Такой же, как на штанах. И в штаны, к слову, простой, но толстый и крепкий кожаный ремень продет.

Так, одежда есть... Что за одежда? Почему такая? Странное ощущение дыры в голове, аж звенит там, нужная мысль и нужное воспоминание рядом, вот только руку протянуть, а не получается, ускользает, зараза, как угорь в мутной воде.

Стоп, хорош паниковать, начнем сначала.

Кто я?

– Ссылный, – вдруг просто и ясно, как титры на экране, всплыла формулировка. – Вне закона.

Ну да. Так и есть. Я – ссылный. Зовут меня... Петр. Петя. Петюня. Еще Питером звали, в основном. И Питом. Ну да, так и есть. И я здесь... а за что я здесь, а? И почему здесь?

А вот тут ни черта не помню.

И еще хуже – не помню, на сколько я здесь.

Не пом-ню. Во-об-ще.

Млять.

Так... чуть-чуть назад ленту воспоминаний. Я... я работаю. Торгую. Что-то таскаю. Оружие вокруг, винтовки на стенах, одежда всякая охотничья на вешалках. Да, просто работаю. У меня оружейный магазин. Очень хорошо помню магазин. Продавцов. По именам и в лицо. Даже по семейным обстоятельствам. Себя в нем помню. Что еще помню? Про магазин все и помню. Еще у меня дом с бассейном и местом для барбекю. Вид из окон на пустыню с кактусами... не, здесь точно не кактусы.

Сначала вроде темнота, потом словно клетку с воспоминаниями открыли, а те все разом навалились, яркие, близкие – нет, я все помню. Все. Вообще все, что есть любил, что пить, как отдыхал, какие женщины нравились, на какой машине ездил, чем на жизнь зарабатывал... никакого криминала, кстати... вроде бы... Но сюда без криминала не попадают, это я откуда-то знаю абсолютно точно.

Нет, не могу вспомнить никаких преступлений за собой. Но опять же ощущение того, что в воспоминаниях чего-то не хватает. До хрена всякого не хватает, как цензура вымарала.

Ну да. Теперь и это помню. Я прикрыл глаза и увидел лист бумаги в моей руке, и в нем написано, что «состав преступления и срок ссылки будут содержаться в тайне как от осужденного, так и от третьих лиц». Ну да. Читал я такую бумагу. Когда? А вот этого опять же не помню, и до этого, и после – сплошная темнота. Точно, цензура и есть. Я и это знаю. Тем, кто идет сюда, вносят в память поправки. Чтобы не знали, за что и на сколько они здесь. И чтобы рассчитывали, что это навсегда.

Навсегда? Я что, кого-то убил? Вообще мог, наверное... только вряд ли, я не агрессивный. Может, грабили, а я в ответ погорячился? Так это Аризона, там погорячиться трудно. Надо пойти за грабителем следом, найти его дом и сжечь его вместе с ним, со чады и домочадцы – тогда да, ты погорячился.

Стоп, хватит. Я уже все понял. Меня посадили. Сажали, точнее, а в последний момент дали выбор – тюрьма или сюда. А убийц даже не спрашивают. И это я знаю. А вот про «сюда» как-то меньше знаю уже. Дикий Запад тут какой-то. Land of Outlaw, «Земля-Вне-Закона». Сюда как-то переправляют. И все, больше ничего не знаю... нет, просто не помню. Помню, что раньше знал и помнил, а вот теперь – нет. А зачем так делать было? Без понятия.

Так, ладно, попал так попал. Было за что, наверное. Одеться бы неплохо для начала. Проблемы надо встречать одетым, это и логично, и вообще как-то солидней.

Одежда была впору, вроде и не моя, но есть подозрение, что я ее уже надевал. Не знаю, то ли все же помнится что-то из-под цензурных вымарок, то ли какая-то аура моя на ней. Или запах. Ощущение какое-то осталось. Примерял, а может,

даже и изнашивал, не знаю. Натянул штаны, свитер, намотал портянки в два слоя, теплую на тонкую, впихнул ноги в сапоги. Вот так будет лучше, ноги теперь не леденеют. И сапоги прямо по мне... даже что мои, пожалуй.

Встал, подошел к двери, закрытой на простенький подъемный засов из обычной палки, привязанной веревочкой за один конец. Дверь со щелями, такой засов снаружи просто лезвием ножа откидывается – палка, опускающаяся в крючок. От человека не преграда, а зверь не войдет. Тут же звери есть, так? Нет, медведь войдет, если ему надо, он и всю избушку развалит, но вот от кого другого или если не надо – сработает.

Открыл дверь – и встал, замер, аж дыхание перехватило. Словно ударило по голове увиденным, настолько все было невероятно... и прекрасно. Пологие горы, покрытые лесом, зеленые долины между ними. Сверкающая под солнцем лента реки, прихотливо извилистая, словно небрежно брошенная на землю. Лес расцвечен в желтый, красный, зеленый цвет – осень. И по-осеннему холодный ветерок обнял, окутал меня, дал вздохнуть полной грудью. Красота. Красиво так, как может быть прекрасна дикая, нетронутая человеком природа. А заодно стало страшновато, потому что среди всей этой природы я один, в крошечном домике без печки даже, разве что импровизированный очаг из речных голышей сложен под дырой в потолке, прикрытой сверху козырьком из бересты.

Так, но там же много всего на полу лежит? И опять же что-то мне подсказывает, что я здесь не то чтобы совсем брошен, так что пугаться рано. Обернулся, пошел к топчану, оставив дверь открытой для того, чтобы света внутри побольше было. На полу кусок брезента вроде расстеленной накидки, а на нем навалена куча барахла всякого. Так давайте же в нем разбираться!

Первое, на чем остановился взгляд, естественно, – ружье. Ружье! О, как это прекрасно! Человек, у которого есть ружье, уже способен сопротивляться любым проблемам. Особенно оказавшись в диком месте, да еще и в одиночку. Так, и это ведь мое ружье – купленное совсем недавно в моем же магазине и мной же лично доведенное до ума. Винчестер модели 1887 года, рычажный, с двадцативосьмидюймовым стволом. Сделан итальянцами из «Кьяппа», идеальная реплика старого ружья, только сталь новая и хорошая.

Взял в руку, глянул на номер – ну да, точно мое. Да вон, моей же подгонки следы, я его под соревнования в «ковбойской стрельбе» доводил. Двенадцатый

калибр, патронник на семьдесят миллиметров. Ремень на нем от другого ружья, но тоже мой, кожаный. Опять странно. Не сам же я перевесил? Или сам? На прикладе кожаный «сапог» с амортизатором отдачи, и тоже мой, хоть я его на это ружье поставить и не успел. На «сапоге» патронташ на четыре патрона. А чоков нет, хоть и были. Это не очень хорошо, хоть и не смертельно.

Патроны. Что с патронами?

Взгляд сразу упал на небольшую брезентовую сумку. Уже пока тянул ее к себе, понял – они самые. По звуку и весу узнал, их сразу узнаешь. Откинул крышку-клапан, высыпал на пол – десятка три. Ничего себе – в папковых, то есть картонных гильзах. Я такие уже много лет даже в руках не держал. И где в них что? Так, с пулей... шесть штук. Есть картечь, тоже шесть, написано карандашиком на прокладке, не моей рукой, кстати...

Опустил рычаг, открыв чудной архаичный ресивер, быстро заполнил магазин патронами с картечью, влезло пять. Уже лучше. Спокойней стало. Еще два можно закинуть сверху, один прямо в ресивер, другой в ствол. Что туда пихать? Может, пулю в ствол, черт его знает, что тут вокруг? Так и сделаю. И следующий тоже с пулей. Все, пусть так и будет. И отставил дробовик в сторонку, но так, чтобы под рукой был, не тянуться, случись чего.

Фух! Прямо первый камень с души – теперь куда легче об остальном думать. Вроде есть чем защититься, случись... тому же медведю, например, зайти. Тут, наверное, медведи должны быть, потому что пейзаж то ли на Канаду похож, то ли на Монтану, где я немало бывал, то ли на Сибирь, Южную. И медведи есть везде. И здесь есть, это я точно помню. Опять не помню откуда, но помню. Вот так, как в кино, тоже про эков, кстати: «Здесь помню, а здесь не помню».

Так, к обороне готовы, думаем теперь об остальном.

Еще патроны. Десяток с крупной дробью, десяток с мелкой. Все. Ладно, хоть так.

Запах вот еще, очень знакомый запах как раз из этого бумажного пакета. Макдоналдсом пахнет, эту мерзость ни с чем не спутаешь. Не дай бог еду оттуда в машине хотя бы полчаса повозить – салон еще сутки пахнет. Причем «пахнет» – это я польстил, воняет на самом деле. Взял пакет, открыл – блин, точно из Макдоналдса, четыре чизбургера и какая-то коробка картонная.

Заглянул внутрь – остывшая картошка. Все остывшее, собственно говоря. Ну и ладно, зато прямо сейчас о еде беспокоиться не надо, мне фору дали. Четырех бургеров мне на два дня хватит. Не отравлюсь, разве что запор получу.

Так, продолжаем. Нож... даже два ножа! Но не мои, и сделаны так, вроде как «гаражного уровня» работа. Но по форме толково выглядят: большой и тяжелый «боуи» с толстенным лезвием, которым можно камни ворочать, как рычагом, и деревья рубить, второй – намного короче, с деревянной рукояткой, с закругленным плавным лезвием, таким и порезать можно что-то, и дичь освежевать. Оба острые, здорово острые. У большого «боуи» рукоятка из кожи набрана, у маленького – деревянная.

Два ножа, в общем. Камень для заточки. Полотно лучковой пилы, но без лучка, его еще сделать надо будет. Котелок с крышкой-миской. Кружка. Алюминиевая, простенькая, в котелке лежит вместе с ложкой. И с ними, чтобы не бренчали, целый ком оберточной бумаги. А ведь бумага тоже пригодится. Нитки с иглой.

Сверток еще какой-то... внутри – ага, внутри соль крупного помола в одном отделении и сахар в другом. Пачка молотого кофе. Ну ты скажи... Леска с крючками. Крючки крупные, но разные, двойные и тройные. А леска вполне нормальная, полимерная, темная и довольно толстая. Чистая марля в другом свертке, хоть перевязывайся ей, хоть фильтруй через нее. А вот никакой аптечки нет, к слову. Марля – и все. И компаса нет. Запасные портянки, смена белья, перчатки из добротной и довольно толстой кожи, тоже такое впечатление, что полукустарно пошиты, хоть строчка и машинная. Шляпа.

Шляпа вполне ковбойская, хоть и не очень вяжется по стилю с сапогами и чисто русскими портянками. Из валяной шерсти, такая, наверное, и от холода защитит, и от дождя. Из подобных коней поили, если больше не из чего было. Хорошая шляпа, в общем, что надо. Почему-то сразу понял, что я ее уже надевал. Или хотя бы примерял. Просто как-то... привычно уже надел, словно в руке об этой шляпе память осталась. Некая тактильная память. Или шляпа тоже моя? Была у меня такая? Нет, вроде бы не было. В Аризоне в такой жарко было бы, а где холодно, там я просто вязаную шапку надевал.

Есть моток добротной веревки, никакой не нейлоновой, а хлопковой, что ли. Не слишком толстая, на скалу по такой не полезу, пожалуй, порвется еще, а вот привязать что-то или там плот с ее помощью соорудить – вполне. Еще веревка, но уже тонкая. Метров по десять каждой, наверное, если по количеству витков

в мотке прикинуть. Плед, тяжелый и грубый, из такого же шинельного сукна, похоже. Кстати, кто бы что ни говорил, а лучше материала и не придумаешь, такое сукно и намокает плохо, и загорается с большим трудом. Хоть спи на нем, хоть укрывайся. И все. Если не считать простого брезентового рюкзака, довольно большого и поэтому почти пустого, и раскатанной по полу плащ-палатки с кожаными петлями по углам.

- Ну хоть так, - сказал я вслух. - Вообще неплохо.

Последним поднял с пола большой бумажный конверт. Не знаю почему, но именно его оставил напоследок. Открыл - и присвистнул. То, что это деньги, вопросов нет. Здесь есть какие-то свои деньги, это я помню. Откуда-то, откуда я все остальное запомнил. Здесь - это... это здесь, где я в этой самой ссылке. В Земле-Вне-Закона. Похожи на доллары, только не зеленые, а такие, в красноту вроде как. И сами купюры размером раза в полтора больше доллара. А так на них тоже чей-то портрет, фамилия под ним мне ничего не говорит. Мужик какой-то с лысиной и в очках. И номинал по одному, по пять и по десять. Сколько здесь?

Посчитал быстро - три тысячи. Почему-то показалось, что это очень много. То ли из-за размера банкнот, то ли помнится мне что-то, то ли просто кажется. Но много, наверняка много. С чего бы это, если я здесь по приговору? В чем трюк, я никак не пойму? Я вообще пока ничего еще не пойму.

Еще в конверте бумага сложенная. Карта с какими-то пометками. Очень простенькая карта, скорей даже схема. На ней надпись, на английском, к слову: «В пунктах, обозначенных зеленым, ты в относительной безопасности. В помеченных оранжевым ничего не гарантируется, но люди там живут. Места, которые следует избегать, не обозначены».

Вот так. Это почему, интересно? Нет, понятно, здесь же места вроде каторжных, сюда нормальных людей не засылают, так что таких специальных мест, чтобы их избегать, должно быть множество. Лучше вообще всю эту землю избегать как можно старательней. Но почему не обозначены? И где я, в таком случае? Отметки «вы здесь» на карте нет, точно, я ее уже три раза осмотрел. Это что, игра такая, в угадайку вроде как?

Как-то странно все. В чем вообще приколы? Словно... и вправду игра. Вот тебе набор для выживания, и ты с ним выживи. И выйди... куда? А туда, где ты сможешь тратить эти свои три тысячи. Наверняка это много, в пачке даже двадцаток нет, значит... ну да, так и значит. И купюры такие большие были раньше, мне как-то попались в руки доллары двадцатых годов, так куда как солидные по размеру бумажки.

Кстати, спичек в наборе всего прочего нет. Это что, шутка такая? Черт с ними, нет так нет, и без них справимся. Река вон, кремешок найдется, ну и другие есть способы.

Ладно. Сядем спокойно. Разберемся.

Сел.

Я – в ссылке, так? Сюда всяких жуликов сливают. Меня слили из Америки, потому что я там теперь живу. В Тусоне живу, что в штате Аризона. Не знаю за что, но слили, насколько я понимаю. А еще сливают оттуда, откуда я приехал. То есть из России и окрестностей. Это я все помню. И еще много откуда. Кого-то навсегда, кого-то временно, но никто про себя ничего не знает. Все. И это тоже помню.

Почему я здесь? Не понимаю, если честно. Просто задача на выживание? А что в ней такого слишком сложного? Я охотник и вообще на природе с детства, я ведь дойду куда надо, если туда вообще можно дойти. Далеко? Ну, если я в пределах этой самой карты, то не так чтобы очень. Неделю-другую-третью ходу – и выберусь к какой-то из этих точек. Хотя бы вот к этой, которую называют «Додж-Сити». С ружьем, ножами, сменой белья и всем прочим – да запросто. В чем тогда приколы? И почему так много денег? Нет, это ведь точно много. За что премия? С чего вдруг зэку – и премия?

Так, что там сказали? Что в отмеченных на карте пунктах безопасно?

Или относительно безопасно, да. О чем это еще говорит? О том, что в других пунктах, каких на карте нет, может быть сильно небезопасно. И, собственно говоря, как может быть там, куда сталкивают убийц и грабителей почти что со всего мира? Верно? И?

Если такое задание «дойти и выжить» дается не только мне? Тогда что? Тогда это означает, что я превращаюсь в добычу. Ага, именно потому, что у меня с собой много денег. И деньги в таком случае уже не премия, а приманка. Прямой стимул для кого-то просто... охотиться на тропах? Может, и так, только как часто такие, как я, здесь ходят? А черт его знает. Но будем исходить из того, что я сейчас самодвижущаяся добыча, не более. Приз для сообразительного охотника.

Скосил глаза на ружье, потом прислушался – не крадется ли кто к домику? Нет, тихо вроде бы, только ветер листвой шуршит. Не удержался, подошел к двери, держа ружье наготове, выглянул аккуратно – все тихо, нет там никого. Времени сейчас сколько, интересно? Часов нет, видать, не положено. Похоже, что все же утро. А если утро, то что? А то, что надо тогда идти, а не терять время. Остается только главный вопрос: куда?

Как ни странно, но ответ как раз на этот вопрос совершенно очевиден. Надо спуститься к реке и идти вдоль нее до... как раз до следующей реки. Потому что согласно карте все городки, или что это, расположены или возле большой реки, или неподалеку от нее, на реках поменьше. А здесь речка совсем маленькая, значит, она должна куда-то впадать. А та, скорее всего, впадает в реку еще больше. Здесь все впадает в самую большую; по горному хребту, похоже, проходит водораздел. Дойду до воды и уже там разберусь. Давай паковать.

В общем, тут и паковать нечего, вещей совсем немного. Плащ-палатку сложить и ближе к спине, в мешок... да разве что бургеры. Из которых я один прямо сейчас съем, типа подкрепиться надо перед походом. Большой нож на пояс, тонкую веревку в карман рюкзака, толстую – все же в рюкзак. Деньги... деньги... конверт пухлый... спрятать его, что ли? Да ну к черту, если меня кто-то грабанет, то найдет любую нычку на мне или в рюкзаке, я еще достаточно хорошо соображаю для того, чтобы понять – в такой глуши грабить, не пристрелив, никто не будет. А там уже все равно, найдут или нет. Разве что... сотню заранее от пачки отделить, самыми мелкими купюрами, и убрать в карман. Вдруг выйду на людей и надо будет за что-то платить, так что нечего всей пачкой размахивать – правило безопасности номер один, вообще-то. Базовое.

Патроны. Патроны здесь, в сумке с лямкой, но достать из нее что-то быстро – уже проблема, она форму не держит – торба торбой. А вот на шинели карманы с клапанами, упадешь – ничего оттуда не выкатится, и руку сунуть в этот карман

просто, так что четыре с дробью в левый карман, а четыре с мелкой, на случай, если вдруг близко еда пролетит, – в правый. Патронташ или «бандольеро» бы неплохо, были же у меня, но почему-то здесь, рядом с ружьем, не появились.

Все, вот и собрался. Совершенно инстинктивно присел на топчан, «на дорожку», затем резко поднялся, надел шляпу, которую до этого в руках держал, да и пошел, захлопнув за собой дверь домика и убедившись, что деревянная палка засова упала в паз. Теперь зверье туда не заберется и берлогу себе не устроит.

Впервые глянул на домик со стороны – такие в Америке в глухомани строят и называют их «кэбин». Из кое-как оструганных бревен, явно срубленных неподалеку, крыша из посеревшей дранки, вместо фундамента столбики, зимой без огня в таком замерзнешь начисто. Но от непогоды укрыться, или вот как я, от всякого разного медведя, пока сплю, – самое оно. Кстати, а как я сюда попал?

Сама избушка стояла на небольшой поляне, а заодно и единственной ровной площадке на заросшем лесом склоне. Лес вокруг лиственный, хвои не видно вообще, пологий спуск отсюда до самой реки – трава да кусты. И звуки, я сразу ведь внимания не обратил – птичий свист, где-то дятел стучит как пулемет, листва шуршит, – а ведь хорошо. Честно – вот хорошо. Люблю я лес и ходить по нему люблю. Пусть даже так, как сейчас, все равно никакого выбора не предлагается. Остается расслабиться и получить удовольствие.

Следы на сухой траве обнаружили сразу, несколько человек здесь ходило. И вот тут трава странно примята, словно два бревна на нее параллельно укладывали. Даже я соображу, что это вертолетные полозья. Да и трава сухая от винта легла кругом, до сих пор не выпрямилась. Почему-то подумалось, что место специально под вертолет подбирали. Даже так? Горючки не жалели, привезли меня сюда? Спящего? И в избушку занесли? Или я сам зашел да спать лег – и ничего не помню? Как и всего остального? Интересно девки пляшут. Не много ли возни с одним каторжником? Странно это все, странно. Да и черт с ними, со странностями этими самими.

И пошел.

В траве обнаружил едва заметную тропинку, кто-то протоптал ее раньше, как раз в том направлении, куда мне и нужно. Кто-то здесь жил и ходил за водой? Скорее всего. Давно уже, но совсем затянуться она не успела. Не один раз ходили, значит. Кто, интересно? Такой, как я, или здесь и другие люди бывают? Что у нас, что в Америке такие избушки строили обычно охотники, как место, где можно переночевать в походах. Ладно, мне в любом случае здесь сидеть незачем, идти надо... деньги вон тратить, ха-ха.

Каждая дорога начинается с первого шага, и я его сделал. А за ним тут же следующий, и следующий, и зашагал, зашагал дальше. Ветерок прохладный навстречу, осень действительно ощущается, но вроде бы до снега еще далеко. Хорошо бы не ошибиться. А пальто это теплое, к слову, вроде той шинели, что я в армии носил, ни разу не хуже. Кстати, ткань такая же, даже по цвету – чистый валенок. А вот сапоги совсем не как те кирзачи, а кожаные. И не черные, а коричневые. Но кожа добротная, толстая, такие сразу развалиться не должны. На совесть сделаны. Хорошо бы еще не протекали, но лучше бы даже не проверять такое их качество.

Пока через кусты шел, дважды каких-то птиц небольших, размером с куропатку, спугнул. Захлопали крыльями, вылетели из-под кустов, метнулись над самой землей в сторону, попасть совсем не проблема. А мне ведь жратва нужна будет, так? Бургеров из Макдоналдса надолго не хватит, да и лучше сберечь их на совсем пустое время – это дерьмо ведь даже не портится, так и остается псевдосвежим целыми неделями.

Скинул ружье с плеча, заменил патроны в стволе и в ресивере на другие, с мелкой дробью, – как раз по добыче. Птица здесь, похоже, почти что непуганая. А когда спустился к самой реке, то на мху за кустами увидел кроличьи тропки. А что, кролик тоже ведь добыча что надо. Даже стрелять не нужно, если бы не спешил никуда, то просто петель наделал бы, хотя бы из той же лески. И свежевать легко, в два движения, и вкусный.

Речушка оказалась и вправду не впечатляющая – в ширину метров двадцать, а глубиной так и вовсе по колено, кажется. Скорее ручей большой, текущий по засыпанному камнями ложу. Но направление он мне показал, да и берега вдоль него были проходимыми, знай себе иди. Трава под подошвами шуршит, звенит вода на маленьких перекатах, в тихих местах рыба видна, хоть сейчас лови. Не слишком большая, но есть. Для моих крючков маловата, к слову.

А хорошо здесь, правда хорошо. Меня, когда дела неведомо становились, только лес и спасал. Как все остопи... надоест, так выберешься на охоту или рыбалку на недельку – и уже лучше, вроде как жизнь новым смыслом наполнилась. Что в России так жил, что в Америке, ничего не изменилось. Охотился и в Аризоне, но больше любил северней выезжать, в Монтану, Вайоминг и Айдахо. Там природа привычней и охота как-то... ближе, что ли. По духу.

Хорошо пошел, с самого начала темп правильный взял. В голове даже мыслей лишних никаких – только по сторонам глазею. Как на своем месте оказался. В ссылке я? Да плевать, не в тюрьме же сижу. Никто меня не держит, никто мне не указывает, что делать, сам себе хозяин я сейчас – так о чем горевать?

Долина, по которой речушка бежит, постепенно спускалась вниз. Горы оставались за спиной, а впереди все больше пологие холмы, и лес заметно гуще становился. Деревья сдвигались плотнее, кроны их поднимались выше к свету. Местами заросшие берега речки приходилось обходить лесом, утопая по щиколотку в ковре опадающей уже осенней листвы. И сосна местами появилась, такая пушистая, с очень длинными, как у кедра, иголками и совсем желтой корой.

Несколько раз натыкался на большие кучи лосиного помета, похожего больше на великанскую дробь, видел и следы копыт возле реки – лось пил, наступил на песчаный откос. Камней, к слову, уже здорово убавилось, почва лесная вокруг, песок да глина вперемешку. Хотя по берегу валунов тоже немало лежало.

Так разошелся, что на привал себя чуть не насильно пришлось останавливать. Кстати, зря я так, с места в карьер, не устать бы лишнего. Огляделся, спустился к реке, с большого валуна набрал воды во флягу, стараясь мути не напустить, потому как дно было близко. Потом, поискав на себе клещей, но так и не найдя, не сезон уже, наверное, присел на траву, расстелив плащ-палатку, разулся, развесив портянки на кустике рядом, умял бургер, в очередной раз обругав себя за то, что до сих пор никакой другой пищей не разжился. А ведь тетеревов слышал не раз, а раз даже заметил пеструю тетерку на опушке леса, сидящую на стволе поваленного дерева. Кстати, в Америке я о тетеревах не слышал. Впрочем, насколько я знаю, эти ссыльные края не в Америке. И не в Европе. Может, это даже и не тетерев, а что-то на него похожее.

Видел и каких-то пестрых птиц, похожих на крупных голубей. Некоторые с хохлами и покрупнее, с хвостами венником, самцы, наверное, а некоторые помельче, с гладкими головками и хвостами покороче и поуже – самки. Даже не знаю, что за птица, не встречал пока, но выглядит вполне жирной и съедобной. Осень вообще-то, любая тварь запас сала должна нагулять уже. Вообще хватит ротозейничать, повнимательней надо. А то обрадовался лесной прогулке, дурак, а мне этой прогулки может быть еще не одна неделя. Чуть практичней надо быть.

Бургер даже здесь вонял Макдоналдсом, как-то особо противно на фоне запаха леса и близкой чистой воды. Словно напердел кто-то совершенно беспощадно в приличном обществе. Пару кусочков булки и маленький кусок мяса из него все же оставил – авось на приманку сгодится, есть одна идея. Появилась, пока жевал и речку разглядывал. Прямо перед собой на отмели заметил небольшого головастого сомика, медленно, почти незаметно двигавшегося против течения. Ладно, не сейчас это, пока идти надо.

Через час пути увидел небольшого оленя, похож на американского белохвостого, только цветом какой-то рябой, да и на заду ничего белого не видать. А так вылитый, один в один. Заметил его на другом берегу, на опушке леса, по которой шла дальняя граница речной долины. Была бы винтовка – свалил бы без вопросов, но винтовки нет. Да и лезть на тот берег желания особого не испытываю, сейчас явно не июль, вода холодная. Но опять же информация – олени есть. Олень – добыча, причем такая, что прокормит не один день.

Я, к слову, пока шел, успел нарвать можжевельных ягод, благо самого можжевельника в окрестностях было много. Если получится птицу стрелнуть, то можжевельник и сохранить ее поможет, и приготовить. А то у меня из иных ингредиентов только соль, да и той не слишком много, лишь солить для вкуса, а не засаливать для сохранения.

Время от времени я поднимался на холмы, чтобы оглядеться, да пользы от таких подъемов было немного – только лес во все стороны и виден, ничего больше. Но река ведет и ведет, куда-нибудь да выведет. Когда шел через широкую поляну, все же стрелнул птицу – то ли очень крупную куропатку, то ли мелкую тетерку, то ли что-то совсем незнакомое – я таких не встречал никогда в жизни. Ни в Америке опять же, ни в России. Спугнул прямо из травы, как фазана, она захлопала крыльями, рванула вдаль, уходя от меня по прямой, – идеальный

выстрел. Так что одного патрона за глаза хватило. Заодно убедился в том, что ружье стреляет, что не сломал его никто, пока оно в чужих руках было, а то сколько шел – все себя уговаривал один патрон на проверку потратить, убедиться – и никак уговорить не мог.

Убрал в карман гильзу, поискал тушку в траве, подобрал – нормально. Тянула на килограмм, пожалуй, не меньше. Пестрая, только голова черная, а концы перьев хвоста тоже черные аж в синеву, с отливом. Нет, не видал таких раньше. Сделал из тонкой веревки петлю, повесил добычу к рюкзаку – пусть остывает и ветерком обдувается. Буду с ужином, что очень радует. С нормальным ужином, не фастфудом. И на привале, который примерно через часок устроил, ее еще и выпотрошил, не ощипывая. Подумал о том, что потроха бы отлично за наживку для рыбы пошли, но куда мне сейчас рыбу? У меня ведь с собой холодильника нет.

Так и шел, и ног не натер, и кондрашка нехватила – хорошо шел, в общем. И только когда день к сумеркам приблизился, начал подыскивать место для привала. Выбора особого и не было, собственно говоря, потому как ландшафт вокруг неизменный – лес да узкая долинка вдоль реки. У воды ночью холодно будет, да и вероятность того, что туда зверь какой придет, куда выше, потому что следы видел не раз, и троп звериных кругом хватало, поэтому отошел чуть дальше. Раскатал плащ-палатку, натянул между двумя деревьями за углы, а еще два угла самодельными колышками растянул. Ставил так, чтобы от ветра прикрыла, ну и от дождя, случись ему политься, тоже защитит. Потом быстро еловых веток нарубил, нижних, они все равно засохнут, так что не жалко, и набросал лапника на землю толстой упругой подстилкой. Нормально, даже мягко будет.

Подумал, как готовить птицу, и решил варить, хоть трудов выходит побольше немного. Но зато вареное мясо сохранить проще, так что будет у меня сразу и завтрак готов. Набрал несколько относительно прямых валежин толщиной в руку, нарубил на полешки примерно в полметра длиной. Затем срубил несколько веток еловых снова, скрутил в кольца и этими кольцами обхватил полешки в «трубу», набив в середину бересты, собранных с земли щепок от рубки, ну и подстрогал туда еще щепы немного. Потом прокопал в земле маленькую канавку, чтобы поддув получился, и поставил получившуюся «трубу» на нее.

Все, теперь за огнем дело. Одно полешко расколол вдоль, используя нож как колун и колотя по обуху лезвия палкой, проковырял в половинке небольшую дыру, вытесал колышек. Дальше импровизированный лучок, из ветки с веревочкой, обхватил этот колышек, сверху прижал другим полешком – и давай лучком его крутить. И минуты не прошло как дым появился, а через пару минут у дыры, в которой ходил чуть-чуть заостренный конец колышка, образовалась уже горка тлеющих крошек. Кусочек бересты, подул – и получил огонь. Не все же папуасам так его добывать. От этой бересты зажег бересту в «индейской свече», и вскоре она отлично разгорелась, хоть и малость дымно – дерево не слишком сухое. Летом бы так комаров разгонять можно было, но для комаров уже холодно, скоро уже белые мухи полетят.

Кстати, у реки бы кремешок подобрать надо, меньше возни будет.

Набрать котелок и подвесить его над огнем было делом пары минут. Пока вода закипала, быстро разделал птицу, кое-как ее ощипав и разрубив на небольшие куски. А потом побросал это все в кипящую воду, скуповато отмерив туда соли и бросив ягод можжевельника, просто для пряности. А дальше взялся собирать дрова уже для основного костра, у которого ночевать буду.

Выбрал пару сухих осин, каких в этом смешанном лесу росло много, срубил, потом уже пилой, для которой вырезал и выгнул лучок, разделил на небольшие бревнышки. Их сложил заборчиком, ножом размахрявив бока и подперев с боков колышками, выстроил костер прямо перед лежанкой. Вода в котелке к тому времени уже всю кипела, пахло, к слову, аппетитно. Вся птица туда не влезла, так что остатки я на колышках разместил поближе к ночному костру. Вот они ужином и будут, а отварное мясо я на утро оставляю, пожалуй.

Между тем костерок разгорелся, за натянутой экраном плащ-палаткой стало тепло и даже уютно. Мясо жарилось, истекая соком в костер. Я стащил сапоги, развесил портянки на просушку, потом и свитер стащил, просто накинув шинель на плечи. От костра жаром прет, спереди уже совсем не холодно, скорее наоборот. Расстелил плед на лапнике и уселся, наконец, ужинать. Вареные куски отложил, завернув в бумагу, затем принялся за жареное, запивая куски отдающим дымом бульоном, – благодать.

Лес между тем жил своей жизнью – где-то ухала сова, где-то протрещал валежник под лапами или копытами какого-то зверя, кроны деревьев легонько шумели на несильном ветру, а сами деревья в свете костра были как из бронзы

отлитые. А за ними темнота непроглядная. Редкие искры, закрутившись в поднимающемся над костром воздухе, улетали в черное небо. Ружье лежало прямо под рукой, заряженное пулей, уже для самообороны, но никакие хищники к костру так и не вышли. Поужинал, сварил себе кофе, потом сходил к реке и помыл с песком котелок, хоть и лень было топать. А потом поправил костер, медленно горевший, завернулся в плед, натянул шинель на голову, чтобы лицо ночью не мерзло, а то не заснешь, да и вырубился до самого утра. Мешок с едой не забыл повесить на дерево поодаль от себя, мало ли кого запах мяса приманит. Хотя там еще два бургера из Макдоналдса лежат, а они скорее медведя отпугнут. Но медведь, опять же, дохлятину любит, может, и не побрезгует. Черт его знает.

* * *

Утро было холодным, но солнечным – проспал я довольно долго, солнце уже успело встать. И выспался, хорошо выспался, прямо на удивление, как будто на перинах почивал. Минут десять просто лежал, потягиваясь, глядя в высокое голубое небо и слушая просыпающийся вокруг меня лес. Потом срезал палочку можжевельника, разжевал конец, почистил зубы – не хуже чем щеткой с пастой получилось. Побриться бы еще, да нечем. Да и незачем на самом деле. Ночной костер уже погас, верхнее бревно полностью прогорело, но зола была еще теплой, так что горело, похоже, почти всю ночь. Быстро соорудил еще одну «индейскую свечу», подпалил и поставил закипать воду.

Портянки высохли, свитер тоже, оделся как в новое. Сапоги тоже просохли более или менее. Надо будет придумать, чем их смазывать, топать мне еще далеко, так вот кажется почему-то. Сала какого-нибудь добыть. Или дегтя накурить... не, для дегтя хотя бы банка консервная нужна. А вот березы здесь есть, так что бересты для дегтярного промысла добыть не проблема. Впрочем, деготь почти черный, а сапоги коричневые, испоганю их.

Не знаю, прав я или нет, но вот та «премия», которую я нашел в конверте, наверное, и выдана в качестве приза за выживание. Дойдешь до безопасного места – трать, а не дойдешь – так тебе и не надо тогда. Не поручусь, понятное дело, но представляется именно так. И никаких иных теорий. Иначе зачем ссыльному такую кучу денег давать, да еще и вертолетом тащить его черт знает куда? Им с этого какой выхлоп, к слову? Естественный отбор или что? Всякое я про эту Землю-Вне-Закона слышал... Но в деталях припомнить не могу, голова

сразу же... Ладно, не до этого.

Все так же был лес по сторонам, все так же река показывала путь. Она то сжималась берегами, то растекалась на небольших плесах, заросших по берегам кустарником. Увидел лося – огромного, с рогами, доходящими чуть не до середины спины. Стрелять, понятное дело, не стал – что мне с такой кучей мяса делать? Хотя подпустил он меня близко, метров на сорок, пулей вполне можно было свалить, если по месту попасть, лось на рану не слишком крепок, ложится сразу.

Полян с местными куропатками-переростками как-то не попадалось больше, хотя слышал птиц постоянно. Во время «полуденного» привала перекусил предпоследним чизбургером, который разве что совсем холодным стал, а так даже хлеб не зачерствел. Устроился опять на берегу. Снова порадовался, что сезон комаров и всякой мошки уже закончился давно, при этом вышедшее солнце даже пригревало немного – благодать. И опять видел много рыбы, что снова навело на мысли.

Километров через пять от места привала наткнулся на здорово завонявшую тушу оленя, наполовину съеденную. Кем – даже вопросов не было, огромных медвежьих следов вокруг полно натоптано. Дальше нашел следы когтей на трухлявом бревне и отчаянно вонючий медвежий помет, так что прибавил ходу – незачем нам встречаться. Кстати, а когда мишкам спать пора, а? С первым снегом? Надеюсь, что жиру они уже нагуляли, так оно лучше будет. Для всех.

К вечеру опять начал искать место для ночлега, решив устроиться совсем близко к реке. Раз птицы нет, так хоть рыбы половлю, может, и получится себя накормить свежатиной. Что здесь и на что клюет – я понятия не имел, так что решил строить опять же индейскую ловушку. Нарубил колышков, заострил, навтыкал в песчаное дно заборчиком, так, чтобы до самой кромки воды загородка доходила. В дальнем от берега краю сделал воротца воронкой. Рыба – она тупая, внутрь замани – обратно уже не выплывет.

Дело осталось за приманкой. На гибкий прутик нацепил остатки припасенного гамбургера, немножко птичьих потрохов, которые я нес завернутыми в листья и которые уже начали заваниваться, и все это опустил в воду, воткнув прутик в береговой песок. А сам ушел строить себе бивак и костер разжигать. Ничего нового, все постепенно рутинной становится. Заодно нашел камешек, похожий

на кремь, из которого короткой пилкой на обратной стороне ножа легко выбил искру – куда проще, чем добывать трением.

Ловушку пришел проверять через час примерно, и в ней обнаружил бестолково тыкающегося в закругление мордой сомика. Неплохого такого, минимум на килограмм. Схватил под жабры, сжал, вытащил на берег, перебил хребет острием ножа и взялся потрошить, бросая внутренности в воду, как раз в ловушку. На берегу это оставлять не стоит, на рыбу медведь запросто придет, ему она самое лакомство, а мне как-то конкурировать с ним неохота.

Пока потрошил – уже и костерок хорошо разгорелся. «Кухонный», не для ночлега. Разрезал сомика на куски, насадил их, хорошо посолив, на рогульки, раскрыв «крылышками», а рогульки в землю воткнул, так, чтобы куски рыбы у самого огня были, но не в нем. Зашипело, закапало соком в угли, запахло так, что слюни потекли. Можно было и по-другому исхитриться, например, в бумаге и песке запечь, или в листьях, да возиться неохота. А так за десять минут готова будет, не больше. А котелок сразу под вечерний кофе пойдет, и мыть потом не потребуется.

Сом немного тиной отдавал, но был мягким, почти без костей, так что заточил я половину рыбины так быстро, что и моргнуть не успел. Пришлось себя силой останавливать, чтобы на завтра что-то было. Остатки ужина привычно упаковал в мешок и на дерево шагах в пятидесяти от бивака повесил, а сам сел кофе пить, уж на его запах никто не придет.

Ночь, если ты еще не спишь, располагает к размышлениям. А размышлять есть о чем, учитывая, что я помню последним до того, как здесь очутился – как приехал домой с работы. И все. Не помню своих преступлений, не помню суда, не помню... да ничего не помню, хотя прекрасно знаю, что тянуться это все должно было в самом быстром варианте не одну неделю. А тут просто темнота. Раз – и здесь. И все же, в чем смысл всего происходящего для тех, кто меня сюда привез? Я ведь даже головой крутил, пока шел, в поисках спрятавшихся в кустах телевизионщиков, да только не было их там. Шкурой чувствую, что тут на сто верст вокруг ни единого человека, только я да вот эти самые лоси с медведями. А тогда в чем смысл? Просто испытать на выживаемость? И кому какая с этого выгода?

И случайно ли вообще совпадение: до всего этого я такие походы по лесам и горам больше всего любил. Уже много лет подряд, при любом удобном случае,

снимал в Айдахо в горах «кэбин» бревенчатую, жил там, ловил форель в ручьях... не забыв оплатив лицензию и не превышая «лимита на ручей», гулял с винтовкой и опять же с лицензией на оленя или антилопу, а потом сам себя кормил олениной. Или даже без оленя обходился, мне его заохотить не так важно было, скорее сам процесс нравился – и ощущение чистоты и простора вокруг. Как сейчас. Мне ведь страдать и расстраиваться надо, что попал неизвестно куда, – а не могу, хорошо мне здесь, в лесах и горах.

Что я знаю о «ссылном мире»? Там... то есть тут, живут сами по себе. На равнинах разводят скот. Много скота. Скот продают в нормальный мир, потому что это чистая говядина, «с вольного выпаса», стоит такое мясо раза в два дороже обычного. Моют золото. Настоящий Клондайк. Золото тоже идет в нормальный мир, это я помню. Добывают серебро. Топят все углем, потому что его здесь много. Деньги... деньги здесь да, вот такие ходят, как те, что я с собой несу. Курс? А не знаю, наверное, особо нас, живущих в нормальном мире людей, никто на сей счет не просвещал. Что-то еще? Ну да, городки есть, еще что-то, ну и... тут же мир преступниками населен, и все больше не мелкими, пусть они и забыли, за что сидят. Это они, может, и забыли, а вот про то, чем занимались до того, как все забыли, – помнят? Да наверняка, я думаю. Я же помню про свою работу все, так? Раз был бандитом, то бандитом и останется, пусть и не помнит, сел он за убийство навсегда или за вымогательство на десять лет. Или там за наркоту лет пятнадцать отхватил.

Правда, я о себе как раз ничего такого и не помню. Но я мог быть и не преступником всю жизнь. Просто как-то раз – и что-то натворил. Грохнул кого-то, например. За что? Да за... не знаю... нашел за что, была причина. Заслужил кто-то, например. И вот я здесь. Может быть так? Почему бы и нет, очень даже может.

В общем, к чему я это? А к тому, что при таком населении я сейчас должен быть добычей. Просто предназначен для такой роли. И даже не из-за тех денег, что в рюкзаке лежат, а как вообще любой новичок в плохом месте – каждый будет стараться или использовать, или обобрать. Я так думаю. Очень уж процент хороших людей здесь должен быть низкий. Даже там, где он высокий, все равно надо ухо остро держать, а уж здесь...

И еще вот что: если относительно безопасные места обозначены специально, то есть и небезопасные, так? Ну, если логикой пользоваться, то так выходит. А где есть? А возле реки. Или другой воды, тут еще и озера имеются. Потому что

вода – это и транспорт для больших грузов, и дорога зимой, и еда, поэтому любой, совершенно любой человек, живущий в таких диких краях, будет стараться селиться у реки. А еще совсем беспредельная публика должна стараться жить подальше от тех, кто какими-то правилами руководствуется. То есть, двигаясь вдоль течения реки, из ненаселенной местности, я сначала, скорее всего, могу наткнуться на такие нехорошие места, и лишь потом, миновав их одним куском, прийти в места получше. Логично? А вполне. Потому что по карте видно, что центр всего здесь Додж-Сити, и чем дальше от него, тем меньше городки... или деревни, черт его знает, что это.

Кстати, на карте только эта сторона большой реки показана, а противоположный берег уходит за край того листа, что был у меня. Там никого или все же кто-то есть? Ладно, до видимых мест бы дойти. А идти надо так: относиться к любому человеку, которого встречу до... дневного, скажем, перехода от приличного места, как к потенциальному грабителю. Осталось только понять, где же я нахожусь-то? Вот на сей счет у меня пока понимания никакого.

Утром в ловушке нашел еще одного сомика, быстро разделал и, пока в котелке кофе варился, изжарил, опять на рогульках. С собой возьму, до вечера хватит, хоть этот и поменьше. Собрал свой бивак да и дальше пошагал. Примерно с середины дня земля вроде как чуть подниматься начала, а река, наоборот, ушла в каньон. Земля снова стала потверже, из-под травы тут и там полезли каменюки. Затем меня вывело на невысокий хребет из пологих холмов, за которым оказалось озеро, а если точнее, то нечто вроде естественного водохранилища. Река растекалась перед природной плотиной, а потом срывалась дальше невысоким, но широким водопадом. Тут я определился, где нахожусь – подобное место на карте было всего одно. И получалось, что я выйду к большой реке заметно выше по течению, чем мне нужно. Если выйду, конечно.

Озеро было немаленьким, обходил я его до самого вечера и остановился на привал неподалеку от галечной косы, заметив на ней перья и птичий помет. Похоже, что тут можно поохотиться на глухаря «на гальке». Глухарю мелкие камешки нужны для пищеварения, вот он и выбирает подобные места, чтобы их поклевать. Осенью, когда мягкой пищи мало, ему эта галька речная особенно нужна. И если выйти сюда на самой зорьке, то вполне можно оказаться с добычей. Поэтому я начал не с лагеря, я со скрадка. Коса образовывала что-то вроде заливы, и противоположный его берег зарос кустами – сейчас

желтыми, но еще не осыпавшимися. Там я и устроил лежку, связав тонкими жгутами травы ветки так, чтобы они образовывали что-то вроде полукупола со стороны косы. И попробую сюда затемно выбраться, подождать. Может, и прилетит птица камешков поклевать.

Так самому мне охотиться не приходилось, но слышал не раз от других охотников про подобный способ да и читал про него. Авось и выйдет что из затеи. И если это действительно глухарь, а не какая-то неизвестная мне птица с подобными перьями, то могу оказаться при мясе надолго.

Лагерь же разбил примерно в километре оттуда, пройдя по берегу назад. Уже привычно развел костерок, развернул рыбу, совсем раскрошившуюся в бумаге – сомятина-то мягкая, – и умял ее, собирая с листа и орудуя двумя пальцами. И спать завалился.

Будил себя наутро опять же «по-индейски», то есть выпив много воды перед сном. Так не разоспишься, естественные позывы разбудят. И разбудили. Вокруг еще темно было. Ветер негромко шумел в еще совсем невидимых кронах деревьев, костер догорел, но угли были пока красными, так что залил его «по-пионерски», сбросив давление. Собрался быстро и пошел, даже кофе не пил. Буду с добычей – потом отдохну.

Рюкзак подвесил на дерево метров за пятьдесят до скрадка. Думаю, что тут не украдет никто, а вот на земле все же оставлять не стоит, я в нем еду носил, запах должен остаться. А сам залег, убедившись, что в стволе патрон с крупной дробью, на глухаря самое оно. Если это все же глухарь. А то насчет куропатки я до сих пор гадаю, что это такое было. Нет, вкусно и съедобно, но как назвать – не знаю.

Рассвет накатил постепенно, сперва чуть окрасив дальний край неба розовым, затем обрисовав на фоне неба верхушки деревьев. Где-то затянула свою песню утренняя птица. Забавная такая песня – вроде как кто-то присвистывает сначала несколько раз, а потом вдруг срывается в затяжную трель. Затем к ней вторая присоединилась. Вскоре стало можно и стволы деревьев в близком лесу разглядеть. С сосны спустилась белка, остановилась, огляделась настороженно, затем прыжками поскакала к другому стволу и быстро поднялась наверх, исчезнув за ветвями. Ветерок чуть усилился, закачались деревья, зашуршали листья у меня над головой. Затрещал где-то недалеко валежник, причем громко, словно кто-то ломился через заросли, не слишком заботясь о скрытности.

Кабаны? Следов не видел, но это ничего не значит, мог просто не наткнуться. А неплохо бы поросеночка... хотя какие, к черту, поросята осенью? Подсвинки уже. Тогда подсвинка, черт с тобой, уговорил, красноречивый.

Глухаря я не добыл, пустым ушел, но вечером на рогатку поймал большую, похожую то ли на окуня, то ли на американского большеротого басса, рыбу. Скорее все же окунь, наверное, только полоса вдоль, как у басса. Попытался затащить рогатку вместе с леской в кусты, но не смог, не дал гибкий прут орешника, к которому рогатка была привязана.

Окунь был костистым, но вкусным. Помня про паразитов, тщательно его выпотрошил и очистил от кожи, остальное зажарил на костре. В общем, сколько потом ни шел, но ни дня не голодал. Вообще. Другое дело, что окажись я здесь без ружья...

Река между тем влилась в другую реку. Она становилась шире и спокойней. Лес хоть и остался смешанным, но все же в нем начали брать верх хвойные деревья, а осинник стал мелким, опустившись до неряшливого подлеска. Хотя такой подлесок обычно со временем лес душит и какой-нибудь ельник постепенно превращается вот в этот самый осинник. Вода в реке была по-осеннему холодная, мыслей о купании не возникало, но мыться на берегу себя заставлял, хоть при этом матерился и приплясывал, еще стараясь напевать про «ой, мороз, мороз». Человек начинает свой путь вниз всегда с гигиены, так что нечего добровольно этот первый шаг делать. Щетина отросла так, что превратилась в зародыш бороды, но бриться было нечем. Ножи, которые я точил и правил, все же для бритья подходили плохо.

А еще невымытый человек пахнет. Может, и не смердит так, чтобы вовсе, но пахнет достаточно сильно для того, чтобы быть обнаруженным зверем. И добыча уйдет, как вариант. Более того, в лесу, на природе, где воздух алмазно чист, посторонние запахи становятся настолько заметными и резкими, что некурящий человек даже может использовать обоняние. А вот курящий – уже нет.

Зато курящий сам, как «запаховый маяк», обнаруживается с любого расстояния, что и произошло на восьмой день моего пути. Путь этот как раз проходил по довольно высокому правому берегу реки, над песчаным обрывом, спускавшимся к темной «торфяной» воде. Если карте верить, то именно в этом месте в речку вливалось много ручьев, текущих из болот левого, низкого берега,

вот и подкрасили ее до чайного цвета. Лес же подступал к самому склону, и вдоль обрыва шла не то чтобы натоптанная, но все же заметная тропа. Сначала я решил, что это звериная, но потом увидел небольшой обрывок веревки, валявшийся в кустах, и насторожился. Опять же, если верить карте, до безопасных мест отсюда далеко, но люди тут явно бывают. Зверье веревками обычно не пользуется.

Шел уже осторожней, люди – это не медведи, это намного хуже, если люди плохие. Запах же табачного дыма я почувствовал примерно через час после того, как нашел веревку. Ощутил – и замер, присел, сместился с тропы в сторону, в кустарник. Прислушался, заодно глаза поднял, глянул на верхушки деревьев – откуда ветер? Потом сообразил, что ветер на меня, запах-то принесло. Звуки расслышал чуть позже, тихое позвякивание и вроде как топот. Нет, человек не так ходит... лось? А звякает что? И лось курящий? Что-то я того... надо как-то работать над логикой...

Ну да, с лошадью кто-то. Сначала услышал, а потом уже и увидел, как из-за поворота тропы, огибающей кучу кустов, показался человек с гнедой лошадью в поводу. Бородатый, в шляпе вроде моей, одет в короткое пальто чуть выше колен, штаны из грубой ткани заправлены в добротные сапоги с ремешками на голенищах. Лицо загорелое и обветренное, такие только у тех бывают, кто все время на воздухе проводит, под солнцем и ветром. И еще он курил. Сигару, держа ее не в руке, а сжав зубами.

На лошади небольшие вьюки, у седла чехол для ружья или винтовки, но оружие у человека на плече, ружье, кажется. И патронташ через плечо, бандольеро. На широком крепком ремне висят ножны с ножом.

Черт, надо было дальше от тропы прятаться, не сообразил я сразу. Человек меня в кустах, может, и не заметит, если буду неподвижен, а вот лошадь учует наверняка. Дальше надо было отходить, дальше.

Человек с лошадью между тем приближался, продолжая немилосердно дымить. Интересно, куда он направился? Не охотиться же, так? Дождался я, когда он подойдет ближе, – и верно, лошадь фыркнула, натянула повод, вроде как притормозив, – учуяла. И я, решив не тянуть, а заодно не дать повода подумать, что где-то тут хищник в засаде, и позволить человеку взять ружье на изготовку, поднялся с колена и вышел из-за куста. Как раз с ружьем наготове.

Человек дернулся, но испугался несильно, похоже. К ружью не потянулся, но не могу уверенно заявить, что это от миролюбия, – мое ружье в руках он отметил в первую очередь, я ведь за его глазами слежу. Еще заметил, как внимательно он оглядел мою шинель. А потом шляпу. У него на шляпе, к слову, два пестрых перышка за лентой, а так шляпа точно вроде моей. И пальто... да у него такая же шинель, как и на мне, только обрезана и перекрашена в черный цвет... и пуговицы поменяли. Или у него с самого начала такая была? Нет, полы отрезаны, я вижу... Это почему?

– Привет, – сказал я по-английски.

Русским человек точно не был, какой-то совсем другой типаж.

– Привет, – сказал тот спокойно, вынув изо рта сигару, после чего перешел на французский, что-то спросив.

Я покачал головой, снова ответив на английском:

– Только английский и русский.

Человек поморщился, из чего я заключил, что он, скорее всего, не канадец, тамошние жители Квебека все же по-английски говорят свободно, разве что с акцентом. Или он по какому-то другому поводу морщился?

– Ищешь люди?

Его английский был совсем слаб, так что, скорее всего, он откуда-то из исконно франкоязычных краев.

– Нет, – улыбнулся я. – Просто иду.

Он меня понял, в глазах мелькнуло нечто вроде мимолетного удивления. Похоже, что такого ответа он не ожидал. Кивнув куда-то в ту сторону, откуда он пришел, человек сказал:

– Лагерь, люди. Еда, отдых.

– Ага, – дружелюбно улыбнулся я, продолжая быстро крутить в голове карусель мыслей.

Моя одежда – это наверняка знак, так? Знак того, что я тут новый. Как в армии, только «дух» был одет по уставу, а каждый боец старше призывом этот устав в чем-то нарушал, для самоидентификации. И можно было не спрашивать, кто сколько прослужил, и так все видно. И одежда моя слабо потрепана, не то что у него, и перекраска опять же, и перья в шляпе – в них, может быть, смысл? Хотя бы в стиле «я тут не новичок и знаю, что к чему». И еще, например: «У меня нет с собой целой кучи денег мелкими купюрами большого размера, с которыми меня сюда закинули во сне и которые можно снять с моего трупа». Может быть, так? Ежу понятно, что может. А татуировку у него на шее я сейчас хорошо вижу. Нет, что там изображено – не пойму, да и если пойму, то черт его знает, что она означает у французских, например, зэков, но все же штришок к портрету...

– Много там людей?

– Много, – заулыбался вроде как вполне искренне собеседник. – Там хорошо, еда, есть женщины.

От такой рекламы я насторожился еще больше. Женщины тут при чем? Их тут так много, что можно рекламировать? Не думаю, их тут должно быть куда меньше, чем мужиков. Специфика места. Тогда с чего он это сказал? Сам со мной поделиться хочет? Очень сомнительно. Тогда для чего? Ответ вырисовывается сразу: разводит. Заманивает. Предлагает расслабиться.

Он меня вычислил?

Да наверняка. Дурак только не вычислит.

И что задумал? Спасти?

Ага, по глазам видно.

Вести к своим, чтобы хором распотрошить?

Опять же сомнительно. Просто потому, что тогда делиться придется, а зачем? А если меня, например, просто сейчас грохнуть, то тогда и делиться не нужно. Труп можно в реку, например. Или просто в кусты оттащить, дальше зверье разберется.

А то, что он стрелять готов, я ни секунды не сомневаюсь. Опять по глазам вижу. Он просто хочет выстрелить, очень хочет.

Почему тогда не стреляет?

Ответ проще простого: потому что не может. Потому что у него ружье-курковка за плечом, курки спущены, потому как со взведенными шляться по лесу опасно, можно и за сучок спуском зацепиться, а мое у меня в руках. И в стволе пуля. Но про пулю он не знает. Дурацкая мысль, вроде как с такого расстояния мелкой дробью не убьешь. Да запросто, никаких проблем, в Америке половина обывателей дома дробовики птичьей заряжает – грабителю от попадания все равно капут, фарш получается, но хлипкие перегородки такая дробь не пробивает. Даже лучше.

– Далеко до лагеря? – спросил я, стараясь говорить медленно и отдельно.

Я не собираюсь ни в какой лагерь. Но я не могу решить, что мне сейчас делать. Не стрелять же его первым только за то, что на дороге попался? И оставлять у себя за спиной боюсь. Он пойдет следом и меня завалит. Он уже вычислил новичка и наверняка знает, что новички несут деньги. Да и ружье со всем прочим ему пригодится, я думаю, миллионером он не выглядит. Вспомнилось, как рассказывал друг-сибиряк о том, что в Тыве в девяностые могли и просто за хорошее ружье в лесу убить. Такие там были нравы, хоть население не из эков. А у меня ружье очень хорошее, лучше, чем у него. Намного.

– Блиско. Два, – он даже два пальца показал, – часа. Мало. Туда. – Он махнул рукой вдоль реки.

Антабки у него на ружье металлические, при шевелении такие брякнут. Он вообще не охотник, он... черт его знает, кто он, на бандита больше всего и похож. Курит, ружье у него побрякивает. Будет снимать с плеча – точно брякнут. И сразу не выстрелишь – опять же курки. Рискну. Ясность мне нужна, чтобы стороны, участвующие в переговорах, раскрыли свои намерения

полностью. Тогда и оргвыводы.

- Туда идти?

- Туда, - осклабился он.

Решил, что уговорил. Молодец. Сейчас тебе сюрприз будет.

- На этом берегу?

Он вроде как сразу вопрос не понял, но потом сообразил, закивал:

- Oui. Да. Здесь. - И даже ногой потопал, как бы демонстрируя берег.

- Пошли, - сказал я, без всяких предупреждений поворачиваясь к нему спиной и делая первый шаг.

Даже не в слух превратился, а в локатор какой-то, всей спиной его чувствую. Хрустнула лесная подстилка под сапогом, почему-то заново ощутил запах леса. Все чувства обострились невероятно. Попутно поздравил себя с тем, что я идиот, нельзя так самим собой приبلудных уголовников проверять. Плохая идея.

Недолго он сомневался. Я и пары шагов не прошел, как за спиной тихо звякнуло колечко у антабки. Резко развернувшись, я вскинул ружье и направил ему в грудь. Бородатый замер. Его ружье - горизонталка с очень короткими, не больше полуметра, стволами, была у него уже в руке, но все равно ему не успеть. И он это понял. Такие люди вообще реалисты, лишними надеждами себя не балуют. Побледнел сразу, в глазах испуг, но дергаться не стал. Все равно бесполезно, а так хоть шанс.

- Нехорошо, - сказал я. - Даже плохо. Брось ружье.

Надо было стрелять, но... не смог вот так запросто. И, боюсь, он это понял. Ну да и черт с ним, все равно он на прицеле. Человек просто разжал пальцы, двустволка упала на мягкую землю, глухо стукнув и брякнув этими самыми антабками.

– Патронташ.

Француз, или кто он там, стащил через голову бандольеро с патронами двенадцатого, кстати, калибра, только в латунных гильзах, бросил его сверху на ружье.

– Ремень.

И ремень с ножом упал сверху. Большой охотничий нож в добротных ножнах.

– Пальто расстегни.

Почему-то думал, что этой команды он не поймет, но ошибся – пленный... уже пленный, да, начал расстегивать пуговицы. Под пальто ничего опасного не обнаружилось. Потом я уложил его лицом вниз и обыскал – никакого другого оружия не нашел. Затем связал руки за спиной, а к рукам пока привязал поводья. Лошадь все это время топталась рядом, равнодушно глядя на происходящее. Ей все равно. Зато так не убежит, пока я думать буду.

Проверил вьюки – еда, немало, на несколько дней, еще патронов немного. Топорик хороший. Плащ-палатка, но не такая, как у меня. Гамак. Ну надо же. Два мотка веревки. Ну и мелочовка всякая.

Подобрал ружье, осмотрел – «Stoeger». «Stoeger Coach Gun». Ну... нормально, знаю я эти ружья – недорогие и, в принципе, добротные. Компания из Мэриленда, но вот производство все в Бразилии и Турции. Это ружье в Бразилии сделано, тут написано. Их короткие горизонталки тоже популярны в соревнованиях по «ковбойской стрельбе», видел их не раз. Как раз «Coach Gun» такой тип ружей и называют. Stagecoach – это такая почтовая карета. Компания «Уэллс Фарго», ставшая позднее одним из самых больших банков в Америке, раньше как раз такими деньгами и золотом возила. И закупила для кучеров и охранников короткие двустволки, какими было проще и разворотистей отстреливаться на ходу от грабителей. Ну и вероятность попадания из таких была выше. Так от них название и пошло.

Кстати, слышал, что у этих двустволок со временем люфт блока стволов появляется, но это если очень много стрелять. А из этой стреляли мало. Два спусковых крючка, что хорошо, потому как из-за осечки в одном стволе

второй не заткнется. И выбирать можно, если заряды разные. Еще у пленного хороший ремень-патронташ, вот его я точно в свою пользу сейчас конфискую.

Что еще? Все.

И что теперь делать? Уходить верхом?

На лошади клеймо. Черт знает, какие тут правила, напорешься на кого не надо и сочтут конокрадом. И повесят как в вестерне. Дадут «сплясать на конце веревки». Да и куда тут с лошадью пойдешь? Ружье и прочее возьму, а лошадь... нет, не буду. Погнать бы ее туда, куда она и шла, чтобы следы остались... И как это сделать? Да черт его знает.

- Как зовут? - Я чуть пнул пленника в подошву сапога.

- Френчи.

Это понятно, что «Френчи», я даже засмеялся. Тут и назвали. «Французик».

- Френчи, лодка есть?

- Лодка? - Он что-то тупить начал.

- Лодка. На тот берег перебраться.

Я ждал, что он скажет «нет», но он сказал другое:

- Лодка есть.

Шанс почуял. Ну, так оно и есть на самом деле.

- Далеко?

- Час. Один час.

- Пошли.

Руки ему, понятное дело, развязывать не стал, пусть так со своей Зорькой, или как там ее, топает. Поднял с земли пинком и погнал перед собой.

Говорили не много. Френчи английский разобрал с трудом, а отвечать толком вообще не мог. Так, понимали друг друга с пятого на десятое. Но все же проговорился он, что прибился к лагерю с двумя «кануками», то есть канадцами, а сам он француз. Зачем и по каким делам здесь шляется – я даже не спрашивал. Мне все равно. Но думаю, что меня поджидал, он все же сумел сказать о том, что слышали вертолет. А это значит, что кого-то высадили. Меня искал, скотина, наверняка. Тихо от остальных. Еще он сумел сказать, что мест, где могли посадить, много. Поэтому понятно, что кто-то искал здесь, а кто-то в другом месте. «Повезло» ему.

Опять моя теория подтвердилась. Деньги – приманка. По одежде сразу видно новичка. Откуда он узнает, что надо бы перышки в шляпу вставить или в какое другое место? И шинель обрезать? Красить, как оказалось, уже не обязательно. И перышки у меня были, вполне подходящие. Или не подходящие? Особо думать не стал, выдернул из шляпы у Френчи и воткнул в свою. Надеюсь, никакого специального значения они не имеют, вроде принадлежности к конкретной банде или чего еще. От пленного я ответа не добился, он меня просто не понял. А шинель потом обрежу. Когда дойду. В длинной по лесу лучше шлаться.

Берег между тем немного опустился. Я с картой сверился – скоро с этой стороны в реку какой-то ручей должен будет вливаться. Прошли еще минут десять – точно, есть ручей, не ошибся я со своим ориентированием на местности. От него тропа свернула вправо, повела кустами, осинник стал гуще. Потом тропа вывела к броду, по которому ручей можно было пересечь, не погружаясь больше чем по щиколотку. А затем обратно к реке пошли.

Лодка действительно была, Френчи не обманул. Небольшая, легкая, аккуратно сделанная прямыми руками, она лежала на песчаном берегу, привязанная к комлю большого куста неподалеку. Весла нашлись внутри, уложенные вдоль.

– Лодка, – объявил Френчи на случай, если я не заметил или не понял чего-нибудь.

– Вижу. Молодец, – похвалил я его. – Пошли. – Я показал стволом ружья на кустарник сзади.

Тут он заметно испугался, решил, что я его кончать поведу. Побледнел, засуетился, спокойствие окончательно иссякло. Попытался его как-то успокоить, но он совсем не успокоился. Пришлось просто гнать перед собой. Когда отошли от тропы на несколько сот метров, я отвязал повод покорно бредущей лошадки от его рук и перекинул на дерево.

– Здесь ее заберешь, – сказал, показав на всякий случай на лошадь, вдруг уже он не понял. – Если медведь не съест. Или там волки какие. Пошли обратно.

Перед тем как обратно отправиться, я перекинул на Френчи как на вьючный транспорт часть имущества – тот же топорик и еда мне очень пригодятся, а заодно и запас патронов. Разве что упаковал пока все плотнее, чтобы до того же ножа мой попутчик невольный так просто не добрался. А нести – пусть несет, он у меня еще и грести сейчас будет. Изо всех сил.

– Чья лодка? – спросил я его уже после того, как мы оттолкнулись от берега, а сам Френчи навалился на весла.

– Не моя. Другой парень. – Он подбородком указал куда-то в ту сторону, где должен быть их лагерь.

– Не страшно, – легко обошел я вопрос собственности. – Обойдется.

Лодка, как мне кажется, решит мои проблемы в немалой степени. По карте выходит, что река эта течет равниной, без всяких бурных мест, а потом и вовсе в совсем большую впадает. И по той большой мне надо спуститься километров на шестьдесят, там уже и город, Ред-Рок, который, если все той же карте верить, безопасен для нового человека. А на лодке по течению идти – все не свои ноги топтать, да и груз везти можно.

Кроме того, лодка позволит мне выбраться на противоположный берег, а он, если верить Френчи, безлюден, нет там ничего интересного для людей. Разве что на охоту туда ездят иногда. Правда, придется проходить мимо их лагеря, который совсем на берегу и в котором другие лодки имеются, но это можно и ночью сделать, течение здесь спокойное и река не слишком узкая. В общем, все становится заметно проще.

А еще мне не придется убивать Френчи, чего мне делать совсем не хочется. Или не может, скорее. Не готов я как-то вот так взять – да и пальнуть из ружья в несопротивляющегося человека. Или там ножом его резать. К тому же есть малый шанс, что ошибся я. Зато, как мне кажется, получится повернуть дела так, что сам Френчи будет первым противником того, чтобы за мной гнаться. Надеюсь, что это так и есть, а не приступ маразма у меня.

Френчи старательно греб, весла слегка постукивали в хорошо смазанных уключинах, плескала в борт мелкая волна, за кормой вода расходилась широким следом. И никого вокруг, к радости моей. Сам я устроился на корме, ненавязчиво направив ружье куда-то в область живота гребцу, что явно заставляло его нервничать, но зато держало в тонусе. И ничего, потом валерьяночки попьет или еще чего, полечится от стресса, не маленький.

Переправа много времени не заняла, все же не через Енисей переправлялись. Левый берег низкий, лодку на него вытащили легко. Точнее, Френчи вытаскивал, а я за ним присматривал и руководил процессом. Потом, собрав вещи, удалились в кусты, где он опять меня бояться начал. Пришлось его снова связать, и руки и ноги, после чего я посадил его под дерево. Как ни странно, но от этого он успокоился немного, решив, что если убивать его собираюсь, то нет смысла столько возиться со связыванием. В принципе, правильно сообразил, так оно и есть.

– Френчи, я тебя не убью. – Я присел на корточки напротив, посмотрев ему в глаза. – Я уплыву на лодке, а тебя оставляю здесь. Вот как сейчас, связанным. И положу твой нож вот тут. – Я показал пальцем на место, до которого он с трудом бы ногой дотянулся. – Ты сможешь разрезать веревку, я в тебя верю.

– Почему?

Гляди, а он понял.

– Не хочу тебя убивать, – развел я руками и изобразил дружелюбную улыбку. – Ты придешь в лагерь, туда, – я показал пальцем. – Там ты всем скажешь, что поймал меня. А я отобрал у тебя ружье, нож, перья из шляпы... все отобрал. И ты показал мне лодку другого парня. Хорошо?

Нет, не хорошо, я тебя правильно просчитал. Тебя, Френчи, потом со свету сживут и с дерьмом смешают. Такие там люди, и ты это знаешь.

– Еще ты можешь сказать, что ловил рыбу, – предложил я ему другую версию. – И поймал такую большую, что она перевернула лодку. И лодка утонула. Или ее унесло течением. И ты утопил ружье и все вещи. И с трудом добрался до своей лошади. И так спасся.

Лучше? По глазам вижу, что лучше. Со всяким случается – лодки переворачиваются, вещи тонут, люди выплывают. Так? Так, наверняка так. И тогда, Френчи, ты не будешь смешным, что для тебя хуже смерти.

В общем, все прошло по плану. Пленный честно сидел у дерева, я даже руки ему развязал, предварительно совершенно запутав веревку на ногах, а когда спустилась темнота – связал снова. И положил рядом его нож в кожаных ножнах, вместе с ремнем. Так, чтобы он с трудом мог до него ногой дотянуться. Придется повозиться. Скорее всего выберется. Потом, подумав, все же положил рядом его ружье с двумя патронами. Просто смысла нет забирать – зачем оно мне? Лишний груз только помеха, возьму патроны – и все. А сам сложил мешки в лодку, оттолкнулся – и поплыл, ощущая себя уже в относительной безопасности.

Течение было довольно быстрым, лагерь, до которого берегом еще час пути, я как раз через час и проплыл, обнаружив его по редким огонькам. Караулил ли его кто-нибудь – не знаю, меня не окликали и в меня не стреляли, проплыл и проплыл, огоньки остались за кормой и растворились в темноте. Над водой было холодно, я запахнул шинель поплотнее, взялся за весла. Надо все же отойти от лагеря как можно дальше, вдруг Френчи намеков не поймет и кто-то отправится в погоню? А так у меня вся ночь впереди, я думаю, немалая фора.

Запас еды у меня минимум дня на три, к слову, так что не придется охотиться для добычи пропитания, можно сосредоточиться исключительно на движении. Берегов не видно, как бы на мель не налететь, но сидит лодка неглубоко и скорость маленькая, не должен повредить ее или застрять. Пороги? Пороги могут быть, верно, но только слышно их должно быть издали, а пока тишина вокруг невероятная, разве что филин гукает где-то на берегу да вода слегка в борт плещется. Ничего, не потону.

* * *

Нагнали меня на исходе второго дня путешествия на лодке. Сам виноват, в общем-то. Решил, что я великий знаток человеческой натуры, что Френчи убоится позора, что преследования не будет. И хоть первую ночь я плыл не останавливаясь, дальше двигался совсем лениво, даже греб мало, предоставляя реке право нести меня вместе с лодкой и только задавая направление. В общем, своими же руками отдал вроде бы завоеванную фору.

Однако и повезло, в чем совсем никакой моей заслуги не было. Именно везение в чистом виде. Нагнали меня не на реке, в заведомо проигрышной позиции, а в то время, как я устраивался на берегу на ночевку. Первая ночь прошла в лодке и совсем не восхитила, хотелось согреться, близость воды заставляла мерзнуть. Поэтому вторую ночь решил провести привычно, поставив бивак и разведя костер. Нашел маленький приток с удобным песчаным бережком, привязал лодку. И как раз собирал валежник для костра, когда услышал стук уключин с реки. Звук на воде, да еще и вечером, разносится очень далеко, вот он и разнесся, до самого до меня.

Разглядеть с воды меня было никак нельзя, я намеренно отошел от берега. Спрятать лодку не получится, она чье угодно внимание может привлечь, так что самому лучше устраиваться подальше. Где-нибудь на дистанции прицельного выстрела как раз по этой самой лодке. Наведутся сперва на нее, это точно, ну и вроде как подставиться должны. А может, и не заметят, а мимо проплывут, все же она в стороне немного. Или не подставятся.

И вот из-за поворота берега показалась еще одна лодка, куда больше моей, узкая и длинная, с двумя парами весел и четырьмя седоками. Шли они неспешно, но уверенно, явно гребли куда больше, чем я, да и сама лодка куда быстрее у них, вот и нагнали. Может быть, даже менялись, их как раз там две смены на весла наберется, так что шансов уйти у меня все равно не было. Надо было Френчи кончать, надо, да не смог, придумал себе черт знает что... Фрейд доморощенный.

Заметили. Заметили они мою лодку. Замахали руками, затем резко свернули к устью притока. Люди были вооружены, по крайней мере двое свободных от гребли, в руках точно или винтовки, или ружья. Я к этому времени уже лежал под кустом, выросшим у ствола дерева, натянув на себя плащ-палатку.

Вот они... и Френчи там, на задней паре весел как раз. Впереди, на носу, крепкий мужик в клетчатой, очень типично американской куртке из толстого сукна и в вязаной шапке, в руках у него винтовка, кажется. Затем, за ним, на веслах чья-то широкая спина в куртке замшевой, с бахромой, над курткой шляпа вроде котелка, но поля пошире. Из-за борта стволы ружья торчат. Затем Френчи, он тоже гребет. И на корме сидит еще один мужик, с короткой бородкой, рыжий, без шапки, и тоже с оружием.

Поймал себя, несмотря на зашкаливающий уровень адреналина, на мысли: вестерн смотрю. Тут и пейзаж, и наряды, и картинка соответствует. Осталось только съемочную группу найти, где же она тут прячется?

Я ожидал, что они направятся сразу к моей лодке, но ошибся – лодка прижалась к берегу на входе в устье, и из нее выпрыгнули двое – тот, что сидел на носу, в вязаной шапке, и человек с передней пары весел. Оба с ружьями или винтовками. Не теряя времени, они побежали вдоль берега в сторону большой реки, явно намереваясь зайти на мою вероятную позицию с тыла. Свернуть за мысок, там по кромке воды – и сюда. Если я буду сидеть здесь, то у них, скорее всего, получится.

Но одну ошибку они все же сделали – надо было выбираться на берег всем, разом, и двигаться пешком, тогда у меня одного шансов было бы мало. Но двое оставшихся, Френчи и рыжий, похоже, решили зайти с другой стороны и направились вверх по течению речушки. И это и было главной и последней ошибкой – ширина речки не больше двадцати метров, рулят они по самой середине, а я лежу на самом краю невысокого обрывчика. Доплунуть можно, не то что выстрелом достать.

Увидели они меня, поднявшегося на колена, одновременно. Словно в замедленной съемке я наблюдал, как изменились выражения их лиц: у рыжего на злое – оскалились зубы, глаза прищурились, а вот Френчи наоборот – побледнел, глаза чуть из орбит не выскочили. Поздно, уже поздно. Френчи успел только весла бросить, а рыжий все же вскинул ружье. Поэтому первая пуля досталась ему, в середину груди. Грохнуло гулко, ударило прикладом в плечо, метнулось эхо, противник выронил оружие на дно лодки, а сам как-то вяло обмяк, сидя, а потом медленно завалился в лодку. Затем упал Френчи, на спину, выронив весла, а серое облачко порохового дыма медленно поплыло над рекой.

Надо бы контроль, еще бы по выстрелу в каждого, но этот дробовик перезаряжать долго и неудобно, а у меня в нем всего пять патронов осталось. Да и не шевелятся они, как я вижу. Такой пулей в грудь, да с такой дистанции – вполне должно хватить.

Дальше, дальше от опушки, скрываясь за стволами. Лес уже темный, пусть он окажется за мной, спрячет силуэт, а вот фигуры моих противников, если они зайдут со стороны реки, будут видны на фоне неба как мишени – не спрячешься.

Все же они меня заметили, успели подняться на берег. Грохнул выстрел, глухой, гулкий, явно ружейный, тяжелая пуля с громким щелчком ударила в ствол дерева у меня за спиной. Я нырнул за кусты, упал, потеряв шляпу, прополз немного, затем перекатился в сторону, аккуратно выглянул из-за дерева.

Все верно рассчитал, деревья на фоне светло-серого неба как из бумаги вырезаны, и оба моих противника видны – один из-за дерева выглядывает, второй, который стрелял, стоит на полусогнутых ногах, водит из стороны сторону стволом вскинутого к плечу ружья. А вот меня им теперь не видно. Не должно быть видно.

Аккуратно разместил ружье на узловатом, заросшем мхом комле, придавил ладонью для большей стабильности, прицелился в участок светлого неба, поймав силуэт мушки, затем сдвинул ее на цель. И плавно потянул спуск. Сверкнула вспышка, я сразу нырнул за ствол, передергивая рычаг, досылая патрон, бабахнул ответный выстрел, резкий, хлесткий, но куда-то в сторону, совсем не точно. А затем я услышал крик, отчаянный: «Merde! Merde! Merde!» – лежащий повторял это слово с частотой метронома. Второй зло и нервно заорал на него по-английски:

– Заткнись! Заткнись, ублюдок! Заткнись на хрен!

Но тот не умолкал. Куда я ему так угодил? Хотя... картечью из двенадцатого калибра куда ни попади – мало все равно не покажется. Мог сразу во все части тела угодить с такого расстояния.

Всего один против меня, и я знаю, где он прячется. Я его даже вижу немножко. И четыре патрона. У меня еще четыре патрона в ружье.

Крики вдруг резко ослабели, превратились в стоны, уже совсем негромкие. Или успокоился немного, или просто отходит. Похоже, что второе. А вот уцелевший испугался. Похоже, что только сейчас оценил обстановку – помощи нет, первые выстрелы он тоже слышал, кроме как в тех, кто остался в лодке, больше и не в кого было палить, напарник умирает, он один, в лесу, далеко от своих.

– Эй! – закричал тот. – Слышишь меня?

Я не ответил, просто взял на прицел дерево, за которым он прятался.

– Мужик! Слышишь? Я против тебя ничего не имею, дай уйти! А? Я даже не стрелял!

Наврал, но стрельнул и вправду криво, считай, что и не стрелял. Дальше послушаем.

– Подними руки и выходи, тогда отпущу! – крикнул я ему в ответ, не отводя ствола ружья от цели ни на миллиметр.

– Не верю!

– Твои проблемы!

Наступило молчание. За это время я успел сместиться метров на пять правее, добравшись до следующего дерева, недостаточно толстого, но с комлем, заросшим ветками. Так, как мне его дальше скрадывать? Из-за дерева он показывается время от времени, была бы у меня винтовка – легко бы зацепил, но вот насчет ружья не уверен, кучность у него не та. А дистанция между нами метров тридцать, пожалуй. А может, и больше.

– Ладно, я выхожу! – крикнул тот. – Не стреляй только!

– Выходи.

Шевеление за деревом. Потом голова показалась, убралась. Затем вышел все же, подняв руки. Пошел в сторону того дерева, откуда я уже свалил.

Не видит меня, это хорошо.

Остановился. Руки держит перед собой, ладонями вперед, показывает, что ничего не держит. Я поднялся, не отводя ствола от него. Тот дернулся от неожиданности, ожидал увидеть меня в другом месте. Даже опять туда посмотрел, чтобы убедиться в том, что я все же один.

Ага, это тот, который в вязаной шапке. Довольно молодой, с бородой, видно, что еще волосы длинные и под шапкой в узел замотаны. На лице татуировка – из уголка левого глаза на щеку маленькие слезы стекают, три штуки. В Америке так себя убийцы обозначают, вроде как по жертвам скорбят. На бедре нож... рукава? Рукава у его клетчатой куртки просторные, многое можно спрятать.

– Стой, – сказал я негромко.

Он остановился.

– Расходимся? – спросил он спокойно.

– Кто у вас был главный? – спросил я вместо того, чтобы ответить на его вопрос.

– Спарки, рыжий, он в лодке был, – сказал тот сразу.

Почему-то не поверил. Решил, что как раз с главным и беседую. Но тему развивать не стал, не так это важно, в сущности.

– Зачем за мной погнались?

Он даже плечами пожал:

– Ты нашего парня ограбил. Простить предлагаешь?

– Сейчас? – поднял я брови. – В общем-то да, предлагаю. Ты против?

– Уже нет. – Он ухмыльнулся, демонстративно глядя в дуло ружья. – Уже простил, все нормально. Никаких сраных претензий.

- Твой парень на меня охотился. Зачем?

- Мужик, у тебя с собой три сраных гранда бумаги должно быть – это сраные огромные деньги. Знаешь, сколько это здесь?

- Сколько?

- Один бак здесь – это десять баков там, откуда тебя сюда спихнули. Пять баков стоят мои штаны. Твое ружье, – он показал глазами на мой винчестер, – баков восемьдесят, наверное, нормально? Шлюха в сраном Ред-Роке за десятку всю ночь работать будет. Патроны к ружью – десять центов за штучку. Много сраных денег, мужик. Таких, как ты, мало, а денег у вас всегда много.

- Таких, как я?

Ну-ка, ну-ка, тут бы уточнить неплохо.

- Каким дали денег, все для выживания и скинули со сраного вертолета за двести миль от жилья.

Говорил он уже спокойно и... вроде как с желанием говорить. Может, и паранойя, но для меня и это уже подозрительно. Хочет заболтать, отвлечь внимание? Очень даже может быть. Чем он может быть вооружен? Не верится мне как-то, что этот парень просто испугался и бросил оружие. Он вообще-то крутой мужик, и в глазах никакого испуга... так, оценивающе смотрит. Меня оценивает и ситуацию. Что-то у него есть... можно бы просто стрельнуть, но и поговорить мне охота. Мне сейчас каждое слово информации ценно. Чтобы вообще понять, что происходит. Ладно, пока еще он у меня на мушке, не я у него.

- А так не со всеми?

- Нет, не со всеми. Большинство привозят в сраный Доусон и сталкивают с парохода пинком в задницу, сунув в зубы пару сотен, предлагая крутиться, как хочешь. Похоже, что выбирают таких, какие могут выжить в сраном лесу. Ну и дают им бонус за выживание.

Он потер друг о друга большой и указательный пальцы, изображая «деньги», и я обратил внимание, что жестикулировать он при разговоре пытается в основном левой рукой. Левша то есть. И как-то странно он ее держит, словно пытается запястье глубже в рукав втянуть. Что у него там? Нож?

– А почему так?

– А почему здесь вообще все так? Ты знаешь? – опять усмехнулся он. – Я не знаю. Не помню, точнее. Никто здесь ни хрена не помнит, мужик, понял? А когда пытаюсь вспомнить, то башка трещит так, словно я месяц без остановки пил сраный самогон с собачьим дерьмом.

– То есть таких, как я, ты уже встречал? – решил я уточнить.

– Конечно, – усмехнувшись, кивнул он. – Его, например. – И показал глазами куда-то мне за правое плечо.

Я спустил курок. Долбанул выстрел, вспухло облачко дыма, звук разбежался эхом между деревьями. Осыпь картечи сразу свалила моего собеседника с ног, ударив прямо в середину груди. Передернув рычаг, я неторопливо обернулся, не опуская ружья. Как и полагал, за спиной никого не было. Но трюк мог сработать, пожалуй. Если бы я его не ждал.

Человек слабо посучил ногами, царапая каблуками сапог мягкую лесную подстилку, громко захрипел – и затих. Очень быстро, и пяти секунд не прошло, наверное. Кровь из огромной раны мгновенно пропитала толстую куртку, ее запах даже перебил запах пороха.

От адреналинового наплыва задрожали руки и озноб по всему телу пошел. Потер онемевшее до полной бесчувственности лицо ладонью, присел, спросил у убитого, протянув руку:

– Что у тебя здесь было?

Когда увидел, то вроде даже облегчение испытал. Не ошибся. Убитый был «тяжелым», то есть вооружен – в рукаве, на хитрой подвеске из ремешков и резинки расположился небольшой двухствольный «дерринджер». На левой

руке. В этом весь его замысел и был, вместо боя с непредсказуемыми результатами просто заболтать – и завалить. Узнал от Френчи, что сердобольный я, трудно мне убить безоружного. Психолог сраный. Не лучше меня.

– Безоружного трудно, верно, только ты не сраный безоружный, – добавил я, срезая пистолет с руки убитого его же ножом. – И я это знал. Догадался, так что извини.

Затем спокойно перезарядил ружье до полной, чтобы все семь в готовности.

За лодкой с телами рыжего и Френчи гнаться не пришлось. Течение вынесло ее на отмель как раз в том месте, где приток встречался с большой рекой, там лодка и застряла. Пришлось разве что лезть в воду, раздевшись, а вода была уже здорово холодной. Потом, приплясывая от холода, быстро обыскал трупы, торопясь смыться не теряя времени и новое место под ночлег найти успеть. Оставляя их рядом с собой не хотелось, запах крови, наверное, уже на весь лес разошелся. Не знаю, привыкло ли местное зверье к выстрелам и выучило ли, что из таких мест лучше сразу уходить? Лучше не рисковать. Поэтому, вывернув все из их карманов и сумок на плащ-палатку, собрал выпавшее оружие, гильзы, какие на глаза попались, и так все в свою лодку отволол – потом разберусь.

Документов на них, естественно, никаких не нашел. Зато нашел у каждого на шее наконечник в виде черепа в окружении веревочной петли и точно такие же оловянные медальоны на кожаных шнурах, из чего заключил, что это какая-то вполне устоявшаяся банда. Даже вон символикой обзавелись. Еще нашел на удивление много марихуаны в кожаных кисетах. Похоже, что они дефицита травки не испытывали. Так ее рядом с телами и бросил. А вот медальоны взял. Потому что решил, что если эти мужики тут скрывались, то в городах их могли искать. Мало ли какой капитал я смогу на этом заработать? А вдруг там плакатики висят с их портретами, надписями «Wanted» и суммой вознаграждения? Я в кино такие видел, а тут все как в кино этом самом.

Сколько-то денег, не много. У последнего убитого к поясу был пристегнут маленький кисет, в котором нашлось четыре золотых самородка. Ты гля, точно он главным был в этой бригаде.

Потом греб, уже по темноте, не меньше часа, наверное. Выгреб почти случайно на какую-то косу, скорее меня на нее просто вынесло, где и обнаружил целый

завал сухого топляка, вынесенного до меня, что полностью решило проблему дров. Плюнул на осторожность и устроился на ночлег прямо на песке, рядом с лодкой. Пусть костер и виден будет на сто верст в каждую сторону. Не думаю, что за первой лодкой еще и вторая погналась. Не должны, вместе бы шли.

Только у костра накатило, до этого еще как-то держался. Возбуждение прошло, навалилось такое состояние, что рукой-ногой пошевелить тяжело, каждое движение заказывать заранее надо. Пережитой страх через все поры выходит. Оно ведь только кажется, что не боишься, а все не так, страху у тебя через край, просто его под крышкой держишь. Навалишься сверху всею силой – и держишь. А потом он вот так выходит начинает, по чуть-чуть, как газ из бутылки с шампанским, которую без хлопка пытаешься открыть. Чуть рукой не так дерни – и все разом польется, пеной.

Хорошо, что еды теперь много, не надо себе пищу искать. Поэтому просто уселся у огня и взялся за разбор трофеев. Начал с «дерринджера», который с руки убитого срезал. Калибр 32–20, классика Дикого Запада, патроны... гильзы без маркировки производителя, только калибр, пуля простая, свинцовая, с плоским наконечником. Спереди в пулях выемки кустарно проковыряны. Вроде как «холлоупойнты» получились. А вообще компактно очень, пригодится, можно вот так спрятать, а потом неожиданно достать. Как этот со мной провернуть собирался.

С Френчи я снял уже знакомый мне «кучерский» дробовик. Ну и в карманах опять нашлось с десяток патронов к нему, все с пулей.

Рыжий из лодки немного удивил арсеналом – был у него комбинированный Иж-94, он же «Байкал», или USSG для американцев, – два ствола, один, нижний – нарезной, под самый что ни на есть американский винтовочный калибр 45–70, незаменимый для охоты на большого зверя, а второй – гладкий, двенадцатого. Не роскошь, но и не дешево, в принципе. Нормально, а для блуждания по лесам так еще и оптимальным может быть. Ухоженный такой ствол, не старый. К задней стороне предохранительной скобы такая деревяшечка приделана, чтобы при выстреле отдача по среднему пальцу не била, а скользила, больно у ижевского оружия форма этой скобы идиотическая. Даже ложа заново отделана, похоже, причем очень хорошо, и лак на ней хороший. И еще в ложу вставлена металлическая эмблемка – уже знакомый череп в петле. На ложе, кстати, кожаный патронташ на пять патронов, три винтовочных и два гладких, с мягкой подушкой-амортизатором. Кожа седельная, работа добротная, хоть

и явно кустарная.

Любил покойный свое оружие, сразу видно. И в сумке у него нашлось все для чистки. Патронов аж сорок штук, двадцать и двадцать, все пули с мягким наконечником, для охоты, а для гладкого сплошь картечь. Взял с него же отличный охотничий нож и довольно большой складышек с деревянной рукояткой, вроде «опинеля».

А еще у него был револьвер – небольшая «Beretta Stampede» – не совсем точная копия знаменитого кольта модели 1873 года, только с коротким, трех с половиной дюймовым стволом и рукояткой в стиле «птичья голова». И, насколько я помню, куда более современным механизмом, позволяющим носить этот револьвер с полным барабаном[1 - В оригинальном кольте 1873 года старались камеру под курком держать пустой, боек опирался прямо на капсюль, что могло привести к самопроизвольному выстрелу, при падении оружия например.].

Вытолкнул один патрон на ладонь – калибр 45 «длинный кольт». А нормально, считай, как обычный пистолетный «сорок пятый». Пули просто свинцовые, округлые, никаких «пустоголовых». Пригодится.

Парень, что был одет в куртку из оленьей замши, оказался вооружен дробовиком шестнадцатого калибра. Была у него помпа «Winchester 1897», с магазином на пять патронов, с двадцатидюймовым стволом. Вообще-то неплохо, раньше их только китайцы копировали, но в последнее время и сам «Винчестер» возобновил выпуск антикварных моделей, которые почему-то... не помню почему... стали резко набирать популярность. Выбросил один патрон на ладонь, заглянул в дульце – пуля. Двадцать дюймов ствола под нее в самый раз. Но вот калибр мне бы лучше двенадцатый...

В общем, помпа не то чтобы восхитила, не в кассу калибр, но на поясе, в хорошей кобуре из толстой седельной кожи, у убитого оказался большой, тяжелый, как утюг или кувалда, револьвер «Ruger Vaquero», опять же калибра 45 «длинный кольт». И весь пояс-патронташ набит патронами.

– Вау! – только и осталось мне сказать, после чего добавил уже сугубо по-русски: – Охереть.

Взял в руку, прикинул на вес, поцелился в дерево с двух рук и с одной, представляя, что там враг, проверил барабан – все шесть на месте, покойный револьвер даже из кобуры не доставал. Зато чистил, потому что оружие, как говорят американцы, «чистое, как свисток».

Тоже, к слову, неточная копия того самого исторического кольта, только на этот раз уже заметно отличающаяся механикой. Но одинарное действие, привычные формы – все как в девятнадцатом веке. Чуть-чуть больше разве что, но у меня и грабля немаленькая, так что удобно. Вот этот я точно себе оставлю, учитывая, что «ругеры» я вообще люблю. Пусть «ругер» и тяжеленный за счет того, что в его конструкции сплошь сталь и ничего, кроме стали, сломать и повредить его почти невозможно, построен, как танк. И главное – патроны в него можно будет снаряжать повышенной мощности, потому что рама рассчитана под большие давления.

– Серьезная пушка у тебя была, мужик, – сказал я куда-то в темноту, попутно пристраивая ремень-патронташ с кобурой на себя.

От последнего убитого, самого хитроумного, осталась винтовка – рычажный винчестер модели 1892 года. Я таких много продал – с двадцатидюймовыми стволами под калибр 45 «длинный кольт», опять же. Попробовал, как действует – вполне мягко и гладко, как часики. Отличный карабин под патрон, как в револьвере, на человека его за глаза хватит. Десять патронов в магазине, один в стволе, и в мешке у убитого нашлось еще три десятка. Нормально.

А вообще я до зубов теперь вооружен, получается. Как-то всего сразу и много. Это я всякие ножи, топорики и прочие пледы с накидками не перечислял. Ладно, лодка увезет, не страшно.

Заодно мысль появилась о том, что Френчи там явно за шестерку был. И оружие у него попроще, и одежда – явная переделка из «казенной», вроде той, что на мне. А остальные уже во все другое одеты и вооружены чем-то поновее и получше. То есть я все равно, несмотря на всякие перья в шляпе, буду выглядеть откровенным «духом». Так что нечего и пытаться изображать из себя что-то. Снял шляпу, выдернул перышки из-за ленты да и бросил их в костер.

– На хрен. Пока, Френчи.

И вообще, мало ли что эти перышки значили? Мимолетно запахло паленым, а потом и запах развеялся.

И кстати, что-то все оружие словно со стрельбища федерации CAS – Cowboy Action Shooting, даже русский «ижак» и тот под старинный американский патрон. Это специально, или все же совпадение такое?

Ред-Рок

До большой реки я добрался через два дня. Никто уже за мной не гнался, и никого я не видел. Плыли с двух сторон заросшие лесом берега, то высокие, с песчаными откосами, то низкие, болотистые, заросшие камышом, видел всякое зверье, плескалась вокруг рыба, но я уже ни на что не отвлекался – рубал трофейные сухари, вяленое мясо и пил кофе, которого у меня теперь оказалось неожиданно много – во всех мешках нашлось по пакету.

Опять же неспешное движение располагало к размышлениям. И по такому размышлению пришел к выводу, что напоролся я все же на банду, хотя, конечно, могли быть и какие-нибудь промысловики, на охотничий сезон отправившиеся далеко от городов. Но сомневаюсь, на банду это куда больше похоже. Будь они охотники, не вели бы себя в лесу как идиоты, особенно Френчи с его сигарой. Бандиты, в общем, так что никого не жалко. Скорее всего, у них там убежище на зиму, не охотничий сезон открылся, а разбойничий закрылся. Я так думаю.

Река становилась все шире и шире, а потом берега резко разбежались в стороны и меня неторопливо вынесло на простор По-Настоящему-Большой-Реки. Просто огромной, дальний берег которой был виден далеко-далеко, метров пятьсот до него будет, а может, и куда больше – на воде расстояния обманчивы, трудно точно прикинуть. Но все равно, как Волга, например, в лучших местах. Но в остальном пейзаж не изменился – берега так же лесом заросшие, все больше высокие, местами скалы видны и горы, но такую реку стиснуть они уже не могут – велика слишком. Скорость течения тоже упала, так что грести пришлось больше и активней, иначе вообще никуда не доберусь.

Затем снова увидел людей. На воде. Сначала за поворотом русла, за деревьями, выше по течению появился дым и появлялся долго-долго – черный, идущий

столбом вверх и уже где-то у самых облаков рассеивающийся окончательно. Я за ним часа два наблюдал, теряясь в догадках, что же это такое, и лишь на третьем часу все же разобрал – меня догонял пароход. Нет, не теплоход и не что-то другое, а самый настоящий пароход с высокой трубой, из которой валил черный дым. И выглядел он так, словно построили его эдак в конце девятнадцатого века, для работы как раз на той самой Миссисипи. Низкие, загнутые внутрь борта, неожиданно большая надстройка с множеством окон, высокая рубка и над ней просто высоченная труба, из которой и валил тот самый черный дым. А еще пароход был колесным! Как на старых картинках. И на больших круглых щитах, закрывающих колеса с боков, виднелась сделанная черной краской надпись «Paul Bunyan» – имя легендарного великана-лесоруба.

Прямой, старинного вида форштевень давил мелкую серую речную волну, из-под колес с плеском разбегались пенные круги, на мачте развевался вымпел с какой-то надписью. Величественная картина. А заодно опять что-то проявилось из-под «цензорской вымарки» – город Мемфис, что в штате Теннесси, а в нем по реке туристов катают на подобных вот суденышках. И кто-то мне говорит из стоящих рядом на набережной, что мода на такие катания недавно появилась, и суденышки эти построили тоже недавно, как-то умудрившись пробить разрешение у всяких экологов на топку машины углем, для полной аутентичности.

Раскрыв рот, я так таращился на это чудо, что даже не сразу заметил, что за буксиром тянется бесконечно длинный плот из связанных бревен – сплав леса идет. Но потом разглядел, сподобился. Такая информация навела меня на два несложных вывода. Первый вывод был такой: раз люди работают, а сплав леса – это, без сомнения, именно работа, то бандитами считать их будет как минимум неразумно – те плоты по рекам не гоняют, разве что деревья валят на лесоповале, но это не здесь.

Второй вывод был еще проще: если пароход тянет длиннющий плот из наваленных в четыре слоя бревен, то потянуть еще и маленькую лодку со мной на борту для него проблемой не будет. Навалившись на весла, я погреб в сторону приближающегося пароходика, при этом постоянно оглядываясь, чтобы от возбуждения не заплыть куда-нибудь под форштевень.

Пусть скорость у него с плотами и черепашья, но так и моей посудине много не нужно, чтобы развалиться и потонуть.

Меня с «Пола Баньяна» заметили, на нос вышли двое, спокойно ждавшие, пока я подобрюсь ближе. Одеты они были в спецовки, на одном вязаная круглая шапка «боб», на втором что-то вроде фуражки-капитанки. Чем ближе я подходил к буксиру, тем больше убеждался, что орать придется во все горло – машина и шлепающие по воде колеса производили столько шума, что надежда поговорить растворялась, как сахар в горячем чае. Когда я подошел метров на сто, один из стоящих достал откуда-то из-за фальшборта большой жестяной рупор и проорал в него так, что я слова все-таки разобрал:

– Идем в Ред-Рок! Цепляйся к плоту сзади, если хочешь!

У меня рупора не было, так что осталось только закивать активно. Ну и дальше возник вопрос: а как цепляться? Ничего подобного мне пока еще делать не приходилось. Плот движется, никаких абордажных крюков или багров у меня нет, разве что веревка. А как голой веревкой зацепиться за горизонтально лежащее бревно?

Ладно, что-то придумаю. По крайней мере, сама веревка к кольцу в носу лодки и так привязана, ей хозяин притягивал свое имущество к деревьям на берегу. Так, а дальше что? Попытаться с другим концом вылезти на плот? Нет, страшновато, бревна «по-живому» лежат, мокрые и скользкие, свалиться с них – никаких проблем, да и просто поехать могут.

Огляделся, прикидывая, что из трофейного имущества можно использовать в качестве якоря, и взгляд упал на лопатку вроде пехотной. Не знаю, кому из убитых она принадлежала, нашел просто в их лодке и с собой прихватил – металл хороший, ручка крепкая, копать наверняка придется, а если еще и края заточить... Привязать веревку к ручке у самого штыка было секундным делом, и к тому времени, как плот подошел ко мне совсем близко, в руках у меня было некое слабое подобие якоря. Осталось только сообразить, как эту лопатку воткнуть под канат.

Идею зацепиться за плот сзади я отверг. Промахнусь или что – и плот просто уйдет, пусть он и медленный, но догнать на веслах не думаю что получится. А если получится, то как я буду одновременно грести и цепляться? Так что лучше бы сбоку. Это мне чем-то грозит? Не думаю. Если только бревна раскатятся. А так плот стянут канатами, а под них местами еще какие-то колья забиты. В принципе, зацепиться можно... если осторожно.

«Пол Баньян» величественно прошел мимо. Человек с жестяным рупором опять что-то прокричал мне, но я ни слова не разобрал – плеск воды и пыхтение машины все перекрыли. Прошли мимо расходящиеся углом толстенные тросы, затем потянулась вся огромная масса плота. Лодку заметно потащило в ту сторону, но все же не настолько сильно, чтобы пугаться, скорее даже задача упростилась. Разве что пришлось веслом слегка отталкиваться. Пропустив мимо примерно половину, так, чтобы меня особо и с борта буксира не получалось разглядывать, я воткнул лопатку рукояткой вперед между канатом и двумя бревнами. Веревка сразу натянулась, но я придержал ее руками и лишь потом плавно отпустил, чтобы лодка пошла без рывка.

Так и получилось. Левый борт стукнулся несильно о бревна, скорость увеличилась, и лодка пошла, пошла, пошла.

– Вот теперь и перекусить не грех, – сказал я сам себе, развязывая мешок с едой. – Пускай везут.

Впрочем, надолго расслабиться не получилось. Еще с утра пасмурно было, а тут мелкий дождик полил. Поскольку в лодке никакого тента предусмотрено не было, накрылся плащ-палаткой, попутно прикидывая, как из двух таких какой-нибудь навес сообразить. Но не придумал; весло стоймя поставить – длинновато получится, а никаких других жердин подходящих под рукой не было. Не бревно же рубить. Но даже под накидкой все равно лучше, чем самому грести.

Прикрывая от дождя, развернул карту. Да, Ред-Рок первым пунктом, в таком темпе... не знаю, за сутки, наверное, дойдем. Если я правильно прикидываю, потому что у меня даже часов нет. Не страшно, сутки можно и в лодке посидеть, за спиной все равно почти две недели пути, и все своими ногами или руками, если греблю в расчет принимать. А тут везут, поди хреново?

Ладно, а дальше-то что? А черт его знает, доберусь до города, найду где заночевать, сменю одежду, чтобы «лошиным мундиром» не светить, привлекая ненужное внимание, а там и придумаю. Понятно, что назад дороги нет, так что надо здесь устраиваться, чтобы и тепло, и сытно, и безопасно. Это для начала.

Ближе к вечеру в лодке стало совсем холодно. Дождь лил и лил, мерзкий и холодный, даже накидка стала под ним понемногу промокать – презент в ней

не прорезиненный, а так, какой есть. Все же не выдержал, вскарабкался на плот и попытался выдернуть из-под каната какую-то жердину, вставленную в распор. Но не выдернул, сидела она крепко. Так что пришлось вооружиться топориком и просто ее отрубить. А затем, уже спустившись в лодку, разделить на две половины. Одну стоймя привязал к передней лавке, или как там правильно, банке? А вторую к задней. А затем натянул веревку так, чтобы она от носа через верхушки обеих палок шла к корме, как снасти на мачтах. И через веревку перекинул накидки, привязав к уключинам и положенным поперек веслам. Получилась двускатная крыша, с которой вода стекала в стороны. И от ветра она меня неплохо прикрыла, хотя бы с двух сторон. Сразу стало легче, даже подумал исхитриться с костерком, но все же не решился, не на чем его жечь. Закутался в шинель и плед, еще один сложенный плед положил под задницу, чтобы теплее и мягче было. И так задремал, неглубоко, с дурацкими суматошными снами, часто просыпаясь.

На следующий день дождь затих, хотя низкая облачность никуда не делась. Изменившийся ветер постоянно сносил на меня черный дым из трубы «Пола Баньяна», и я подумал, что когда до места дойдем, меня совсем закоптит. К Ред-Року буксир с плотами подошел примерно к полудню следующего дня. Пейзаж менялся на глазах – густой девственный лес превращался в кудрявые рощи и все чаще уступал место полям. Берега становились пологими, а заодно стало видно, что здесь живут: в полях видны были кучки тесно сбившихся деревянных строений – явно фермы, а время от времени то телега покажется, то фургон, самый настоящий, как у первых американских переселенцев, то верховой. Не то чтобы густо населено место, но и совсем безлюдьем не назовешь.

Я уже совсем одурел от полного безделья и тупо глядел по сторонам, когда из-за поворота реки показался городок на пологом склоне.

– Сэм Пекинпа[2 - Сэм Пекинпа – знаменитый кинорежиссер, специализировавшийся в жанре «вестерн».], где же ты? – спросил я неизвестно кого, глядя на медленно приближающееся скопление домов.

Меня забросило в вестерн. Прямо в самое кино. Потому что городок Ред-Рок, названный так, видимо, потому, что прямо на берегу реки лежал огромный красноватый валун, больше всего походил на старые фотографии городков Аляски и канадского Юкона времен «золотой лихорадки». Шоу «Дикий Запад» в чистом виде, не хватает только туристов и актеров в роли ковбоев, палящих друг в друга из револьверов холостыми патронами.

То, что «Полу Баньяну» именно сюда, стало понятно еще с воды – склон реки был завален бревнами, которые здесь, похоже, вытаскивали и складывали в штабеля. Из дерева был построен весь городок, из дерева были причалы на берегу, все из дерева. У причалов было не пусто – несколько десятков маленьких лодок, сколько-то баркасов побольше, с мачтами и спущенными сейчас парусами, а также еще один буксир, или просто пароходик, сходный размерами и конструкцией с «Полом Баньяном», но надпись была на нем на русском – «Бурлакъ». Прямо вот так, старинными же по стилю буквами и с твердым знаком.

– Маразм, маразм, маразм, – только это я вслух и сказал.

Нет, я знал и помнил, что «сидят» здесь не только американцы. Множество стран воспользовалось возможностью отправлять своих уголовников сюда, в Землю-Вне-Закона, рассчитывая на то, что теперь они уже в нормальное общество не вернутся или перевоспитаются трудом, вынужденные им заниматься для своего же выживания. Да и расходов меньше. А поскольку в родимой сторонке с уголовниками и вообще сидящими в тюрьмах всегда было хорошо, то и здесь русских тоже хватало. Но почему-то «Бурлакъ» удивил. Впрочем, меня все удивляет. Все, что попадает на глаза.

Вообще на берегу было суетно – целая бригада каких-то мужиков вытаскивала из воды бревно и по дорожке из катков с помощью лебедки затаскивала их на склон.

Где-то там, за сараями, поднимался столб дыма из трубы, похоже, и там же работала, судя по звуку, лесопилка. На берегу лежали кучи угля, возле одной такой пара работяг лопатами набрасывала уголь в телегу с высокими бортами, грязную и какую-то кривобокую, запряженную парой низкорослых коренастых лошадок. У лодок же было спокойно, никакой суеты.

Буксир начал заворачивать к берегу, а я же, прикинув, что так меня и бревнами может навсегда там зажать, разобрал свой навес, отцепился от плота и пересел спиной к носу, взявшись за весла. Уж до причалов оставшиеся метров триста я точно догребу, справлюсь. А вещи я еще вчера от безделья упаковал, так что к высадке готов.

И вообще, должен отметить, что к людям я все же выбрался. Так что свою премию заработал, кто бы что на сей счет ни думал.

К причалу пришвартоваться не удалось, свободных мест не было, поэтому просто вытащил лодку на песчаный берег, привязав ее к одному из глубоко забитых в землю кольев. Потом взялся выгружать из нее мешки, причем все под скучающим взглядом какого-то старикана в шляпе с широкими обвисшими полями, сидевшего под навесом, кутаясь в пальто, и курившего дымную и вонючую сигару. Когда я выгрузил все свое имущество и задумчиво оглядывался по сторонам, прикидывая, как и куда это все на себе тащить, старикан окликнул меня:

- Эй, свежий! Могу за три доллара дать тебе тележку для вещей!

- Тележку? - немного озадачился я.

- Довезешь все свое барахло до отеля или куда ты там собираешься, а потом я ее заберу, - пояснил он, поднимаясь на ноги.

- Было бы неплохо. Но я не знаю, где отель и куда я вообще иду.

- Если не знаешь куда, иди сперва в отель, - рассудительно сказал старикан, встав выше меня по склону. - Деньги у тебя явно должны быть. А если дашь пятерку вместо трех, то я тебя еще и провожу.

Я подумал о том, что ему так и так бы пришлось провожать меня, раз он собирался забрать потом тележку, но решил не ломать ему бизнес и согласился на пятерку. Пусть заодно покажет, что здесь к чему. Хоть и уверен, что доллара за глаза бы хватило.

Тележка оказалась достаточно большой - ящик на высоких колесах, с П-образной ручкой. Перевалил все в нее, старик даже сам впрячься хотел, но я его оттолкнул. Не то чтобы из почтения к седидам, а просто нефиг.

Городок оказался деревней, хоть и довольно большой. Упорядоченно выглядел только самый центр, Главная улица, застроенная как раз в классическом

американском стиле – деревянные, обшитые досками дома, прижавшиеся боками. Вывески, написанные черной и красной краской на досках: «Сигары Томпсона», «Обувь и одежда», «Гостиница», «Салун «Длинная рука», рулетка и покер» и даже «Салон для джентльменов», что со слов старикана оказалось борделем – все как положено в вестернах. А я так и подумал, в общем-то. Коновязи и редкие лошади у них. Улицу никто не мостил, под ногами чавкающая грязь и лужи. За передами главной улицы все было куда менее упорядоченно – застраивался городок, похоже, по принципу «кто где успел», так что сами улицы прокладывались стихийно, просто огибая занятые участки. Пахло навозом, уличными сортирами, угольным дымом, людей же было мало – то ли от погоды все прячутся, то ли делом заняты.

Гостиница оказалась в самом дальнем от реки конце Главной улицы. Никакого названия, отель и отель, другого все равно в городке не было. Мы со стариканом дошли до крыльца, возле которого крепкий негр в спецовке сгружал деревянные ящики с телеги, там меня мой спутник и известил:

– Все, пришли, отдавай тележку.

– Без проблем, – кивнул я, протягивая ему пять долларов купюрами по одному. – Как договаривались. Ты мне вот что скажи: в отеле не воруют?

Старикан хмыкнул, посмотрел на меня чуть удивленно, потом кивнул понимающе и сказал:

– Кому сейчас воровать? Навигация почти закончилась, чужих в городе нет.

– А, ну спасибо, – кивнул я, решив принять слова на веру.

Может, и не так все, и сам старикан придет в комнату ко мне, наивному, и все оттуда радостно вынесет, так разведя меня на доверие, но все же сомневаюсь. Если людей мало, а нравы простые, то воровать точно не должны.

Собрав в кучу все оружие и узлы, я поднялся на крыльцо и толкнул скрипучую дверь.

Внутри гостиница кино напоминала мало. В кино все же как-то попышнее это выглядело, а тут бревенчатые стены с фотографиями в рамках, на фото, черно-белых, но вполне качественных, какие-то люди и какие-то пейзажи. Стойка просто из струганой доски сколочена, клерк за ней не в атласном жилете, а в свитере грубой вязки, сам виду мрачного, с расплюснутым носом и поломанными ушами. Но поздоровался вежливо.

- Комнаты есть? – спросил я сразу.

- Есть, конечно, навигация же закончена, – кивнул он. – Два доллара за ночь без еды или три с едой.

- А с мытьем как?

- Умывальники в каждой комнате, – пожал он плечами.

- А душ?

Он внимательно посмотрел мне в лицо, потом оглядел с ног до головы, чуть ухмыльнулся, разглядев «духовскую» шинель.

- Откуда здесь душам браться? Есть баня во дворе... знаешь, что такое баня?

Он так и сказал: «Вапуа», вполне по-русски прозвучало.

- Знаю. От русских научились, что ли?

- От них, точно, – кивнул он. – Русские и построили. Они здесь часто бывают, вот и ныли все время, пока я не сказал, чтобы сами и строили. Если надо, то тебе ее натопят. Надо?

- Надо, – уверенно сказал я.

Дурацкий вопрос. Две недели по лесу и бани не надо?

- Пять долларов за баню.

Я отсчитал ему двадцать четыре – оплата за три ночи вперед, баня плюс десятка возвратного депозита. Взамен получил ключ с огромной деревянной грушей с выжженным на ней номером «22».

– Второй этаж, когда уходишь, ключ сюда отдавай, – сказал то ли клерк, то ли хозяин, я так и не понял.

Помочь с барахлом он не предложил, ну и ладно. Зато и вопросов про «где взял» никаких не задавал. Кое-как взвалил и навесил все на себя и пошел по крутой деревянной лестнице, цепляясь мешками за стены и торчащими во все стороны стволами за балясины перил. На мне сейчас, как ни крути, а пять единиц длинноствола висит.

Коридор второго этажа оказался узким, двум людям с трудом разойтись, темным, а еще в нем сильно нафталином пахло. Но ничего, нафталином – это не дерьмом, перетерпим. Дверь в номер была тонкой, на один пинок, и скрипучей, а сама гостиница размерами не поразила. Номеров двадцать в ней, не больше.

Комната, впрочем, оказалась относительно просторной. Видал и больше, естественно, даже в дешевых мотелях, но и эта не самая маленькая. Большая тяжелая кровать, вполне даже двуспальная, дубовый, кажется, двустворчатый шкаф. Вешалка у входа. Половик из мочала, на котором я сразу разулся, чтобы по всей комнате грязь не растаскивать. Подумал, что неплохо было бы домашними тапками обзавестись, пол-то холодный. В дальнем углу чугунная печка, возле нее кучка дров и ведро угля.

Ширма. Заглянул за нее – умывальник системы «Мойдодыр», то есть с бренчащей соской и подставляемым снизу под жестяную раковину ведром для грязной воды. И все это в некоей деревянной тумбочке. Тазик на крючке. Назначение? Понятней понятного, становись в него ногами и мойся.

Туалета нет. То есть вовсе. В коридоре? Потом осенило, подошел к окну, раздвинул закрытые занавески – ну да, вон он, «удобства во дворе», на два посадочных места, если по количеству дверей судить. Выражение «сходить на двор» снова становится по-настоящему актуальным. Играет новыми красками, так сказать.

– Патриархальная простота, возвращение к истокам, – сказал я вслух, стаскивая с себя шинель. – На двор так на двор, не в окно же валить.

Сел на кровать, попутно убедившись, что слишком мягкой она не была – похоже, что просто перины на досках. Клопы есть, интересно? Могут быть, вполне. А могут и не быть, их же сперва занести надо. Или тут они свои, аутентичные? Черт его знает. Ночью выясню.

Разложил на кровати, на покрывале, все оружие. Так, что мне с ним теперь делать? Винтовка. Нужна? Да неплохо иметь вообще-то. «Комбо» с гладким и нарезным стволом. А что? Охотиться ведь буду? Да наверняка. Помпа шестнадцатого. Не годится, двенадцатый нужен. Хотя по конструкции помпа все же лучше моего рычажного винчестера. «Кучерское» ружье. Карабин с рычагом. Два револьвера. «Дерринджер». Несколько ножей. Но все оставлять тоже глупо. И переодеться надо, это... существенно, похоже.

Вода в умывальнике была холодная, понятное дело, откуда тут горячей взяться? Наскоро умылся, нацепил под распахнутую пока шинель кобуру с тяжелым «вакери». Кстати, не уточнил, как тут вообще принято с оружием, но одного мужика на улице с кобурой точно видел. Ладно, уточню у... хозяина? Или клерка?

Кстати, куда всю кучу денег девать? Оставить в номере? Спрятать? Гм... плохая идея. Любому дураку понятно, что я новичок, и как минимум половине из них видно, что я «из выживателей». А значит, у меня есть деньги. И если я вышел погулять, то... где я их оставил?

В общем, ничего умнее не придумал, как все с собой взять. Тут хоть я сам на защиту и оборону честно нажитых дензнаков могу встать, а в номере их защитить некому, любой злодей заберет их и обидит. Пусть лучше при мне будут, так и им спокойней, и мне.

Спустился вниз, подошел к стойке:

– А оружейник в городе есть?

– Есть. Выйдешь за дверь – и налево. – Хозяин, или кто он там, показал рукой. – Пятый дом слева будет... да, пятый. Там вывеска «Оружие и оружейник»,

не пропустишь.

– А он покупает?

– И покупает, и продает. Купить может еще Хромой Дэйв, у него ломбард на два дома дальше.

– А к кому выгодней?

– Все равно, – отмахнулся собеседник. – Они цены держат.

– Я понял, спасибо.

– Тебе баню к какому времени топить?

Я скопил глаза на восьмиугольные часы в деревянном корпусе, висевшие на стене. Двадцать минут третьего.

– Часов в восемь нормально?

Чтобы прямо перед сном. И прогуляться, и оглядеться успеть. И даже выпить, потому что такой план у меня тоже есть.

– Нам все равно, как скажешь.

– Ну... в восемь тогда, раз нормально.

Хорошо, что почва здесь была песчаная, так что не вся улица тонула в грязи, а лишь ее середина, там, где все раскатали колеса повозок и разбили копыта коней. Вдоль стен же можно было идти без особых проблем, разве что под ноги все же следовало поглядывать. Навстречу попало всего три человека, я их вроде как даже посчитал, хотя у пристаней я видел табличку с надписью «Red Rock, Population 1350». Все встреченные были мужчинами, как и все остальные люди, которых я успел встретить, что начало меня наводить на совсем печальные размышления. Например, о том, что у меня пожизненное

может быть, и провести остаток этой самой жизни в краях с настолько выраженной гендерной диспропорцией, если говорить по-умному... Тут хоть бордели кем укомплектованы? Хорошо о них думать или совсем-совсем плохо?

В таких печальных мыслях я добрел до магазинчика оружейника, куда и зашел, тщательно отерев ноги о деревянную решетку на крыльце. Зашел и огляделся.

Нет, это не мой магазин в Тусоне. Это совсем небольшая лавка с деревянным прилавком, в которой на обшитой доской стене висит с пару десятков разных винтовок и дробовиков и с пяток револьверов. Полки, на которых рядами выставлены коробки с патронами, а сами коробки просто картонные, без всякой маркировки. Бутылочки с оружейным маслом и щелочью. Всякая полезная мелочовка. Бедненький выбор ремней и кобур.

В самом крошечном «торговом зале» никого, но на звон колокольчика из другой двери выглянул худощавый невысокий человек с висячими «ганфайтерскими» усами и стрижкой «ежиком». Я увидел, как его глаза пробежались по моей одежде и лишь затем перескочили на лицо – опознал «духа», понятное дело. Можно начинать разводить.

– Привет! – сказал я жизнерадостно.

– Привет, – кивнул он, выходя в «торговый зал» и вытирая руки тряпкой. – Что могу сделать для вас?

Я выложил на прилавок «комбо», «кучерское» ружье и дробовик шестнадцатого. «Ганфайтер» кивнул, потом взял в руки «комбо», посмотрел на эмблему, негромко хмыкнул, вроде как удивленно подняв брови, но вслух ничего не сказал. А я и спрашивать не стал.

– Продать или выставить на продажу? – уточнил усатый.

– Продать.

– Проездом здесь? – уточнил он как бы между делом.

Ага, если проездом, то можно и цену опускать безбожно.

- Думаю осесть.

Может, это чуть сдержит полет фантазии.

Усатый опять чуть поднял брови, затем кивнул, явно не проявляя от такого известия никакого особого восторга. Где я все это взял, он тоже не стал спрашивать, просто взялся за осмотр, придвинувшись поближе к колмановской лампе, свисающей с крюка.

- Ничего самому не нужно? - спросил он вроде как совсем равнодушно.

Я еще раз посмотрел на висящее оружие и понял, что ничего особо выдающегося не вижу там. Все, что висело на стене, было копиями все того же кольца 1873 года одинарного действия, а их у меня уже две. А, нет, вон еще «Merwin & Hulbert» - «раздвижной» компактный револьвер модели 1873 года, который начала производить неожиданно воскресшая недавно компания, тихо угасшая еще в начале двадцатого века. Прямо Ренессанс всего этого сейчас пошел. И вон новенький «Скофилд» вижу.

- Патронов бы взял немного.

- Каких? - Поставив за казенником ствола винчестера кусочек белой бумаги, он заглянул в канал.

- Не старый совсем, - сказал я. - Точнее, даже новый.

- Мм-м, - кивнул оружейник, явно стараясь пропустить мой комментарий мимо ушей, после чего начал с сосредоточенным видом пытаться расшатать цевье.

- Нет пока люфта.

- Есть уже, - преувеличенно озабоченно нахмурился он. - Видишь?

Я увидел, что люфт был в основном в его левой руке, которой усатый придерживал оружие.

– У меня был самый большой оружейный в Тусоне, Аризона, – улыбнулся я ему. – Так что все это шоу можно приберечь для других клиентов.

Усатый вздохнул, но вроде сильно не расстроился. Кивнув, отложил «помпу» и взялся за «кучерское».

– Мне патроны нужны разных калибров, – решил чуть обнадежить его я. – Стоп... это у тебя двенадцатый? – показал я на «помпу» – копию той, что сейчас лежала на прилавке.

– Это? – Усатый снял карабин с крючков и выложил передо мной. – Точно, двенадцатый.

То, что нужно. Только здесь ствол длинный, дюймов аж тридцать, но это не страшно, это подрезать без проблем, а может, и подрезать не надо, потому что с таким на охоту хорошо. На птицу, например.

Посмотрел в ствол, полязгал затвором, приложился пару раз.

– Почти новый, – сказал усатый. – Нравится?

– Я бы поменял.

– Шестнадцатый продать трудней, – старательно изобразил кислую рожу хозяин.

– Двустволка в придачу, – придвинул я к нему «кучерское». – Пойдет?

Честное предложение, даже в его пользу, наверное. Он подумал минуту и согласился.

Заодно получилось разжиться патронами в достаточном количестве, хоть денег и не прибавилось. Заполнил пояс-патронташ и попрощался с усатым уже вполне по-дружески. Он уже повесил «обменный» дробовик на место проданного, а все остальное отложил пока в сторону. После чего он подсказал, где можно купить одежду.

В общем, подсказывать и не надо было особо, потому что нужная лавка оказалась прямо через дорогу, как раз напротив оружейного. «Ганфайтер» пальцем показал, прямо в грязное окошко. Я перешел дорогу, выбирая, куда можно ногу поставить так, чтобы по щиколотку в грязи не увязнуть, а вот там меня поджидал сюрприз: это не было магазином.

На полках, пахнувшие нафталином, лежали рулоны самой разной ткани, от толстого сукна до тонкого полотна. А еще на стенах висели фотографии мужчин и – это обнадеживает – женщин, на которых что-то было надето. У дальней стены за прилавком стояли две швейные машинки, за одной из которых к тому же сидела довольно молодая упитанная негритянка, толкая ногой педаль привода и двигая ткань под иглой. А на звук уже привычного колокольчика над дверью к стойке подошел маленького роста толстый человечек.

– Нет, готовой одежды у нас не бывает, – своим ответом он опередил мой вопрос. – Мы шьем на заказ. И ни у кого в продаже готовой нет, ни в этом городе, ни в каком другом. – Снова не дав мне и рта раскрыть, он продолжил: – Пока могу укоротить вашу шинель, чтобы вам не выглядеть таким новичком, заодно поменять пуговицы, так многие делают. Вещь ведь добротная, жалко выбрасывать. Могу снять мерку. Куртку могу пошить примерно за два дня. Брюки тоже.

Мне осталось только кивнуть – толстячок наделил меня исчерпывающей информацией.

Укорачивание шинели много времени не заняло, все толстяк сделал сам, тут же, при мне. Негритянка продолжала строчить чью-то рубашку, ни разу не повернувшись в мою сторону. Звук машинки навел на детские воспоминания, у меня бабушка шить любила, причем машинка была похожая, подольская, копия трофейного германского «Зингера», как мне кажется. А может, и ошибаюсь, может, и не «Зингера».

– А почему нет готовой одежды? – спросил я.

– Не продают сюда, только ткани можно заказать, – пожал пухлыми плечами портной, мелом отчеркивая ту часть шинельной полы, которую следовало отрезать. – Похоже, что хотят дать возможность большему количеству людей

здесь иметь работу. Так не только с одеждой, так со многим. Ну, я так думаю.

– А здесь почему никто не начал шить?

– Не выгодно, я думаю. Не так уж много покупателей, одежду носят подолгу, моды особо никакой нет... – Отложив мелок, он взялся за длинные портновские ножницы. – Можно не угадать с размерами или видом одежды... проще пошить. Вы не беспокойтесь, у нас все быстро.

– Откуда вы? – решил я уточнить, потому что под вполне гладким английским портного проскакивал какой-то акцент.

– Из Словакии, Братиславы. За что здесь – не спрашивайте, все равно не знаю. Как и вы, впрочем. Попал сюда из Канады. Вацлав. – Он неожиданно протянул мне руку для пожатия.

– Питер.

– Очень приятно.

– А что здесь вообще в этом городе делается? – решил я расспросить словоохотливого словака.

– Здесь лесопилка. Карьер полевого шпата и посуду там же делают. Фермеры. Река. В общем, городок не самый богатый и довольно спокойный. На зиму сюда возвращаются лесорубы и охотники, где-то через неделю начнут появляться. Есть два борделя... когда все вернутся, станет довольно шумно и тесно, и даже весело. До самой весны.

– Я видел один бордель, – подумав, сказал я.

– Второй с обратной стороны «Длинной руки», туда даже отдельная дверка есть. Два бара, считая салун. Есть шериф. Есть мэр. Все, пожалуй, больше ничего нет.

– Это как, вообще, – я ткнул пальцем куда-то в сторону входной двери, – захолустье?

– В какой-то степени. – Ножницы щелкнули в последний раз, и полоса сукна отвалилась. – Могу другие пуговицы поставить, это... ну вроде как знак того, что вы не новичок. Эти обрезанные шинели многие носят. Хотите?

– Неплохо бы, наверное.

– Сделаю. – Вацлав начал быстро срезать пуговицы одну за другой. – Захолустье здесь все же, северней нас вверх по течению уже нет ничего. Только лагеря лесорубов и охотников.

– Бандиты есть?

Не лесорубов я часом каких-то завалил? Тогда надо быстро отсюда сваливать.

– Бандиты есть, разумеется, много бандитов, – чуть успокоил меня Вацлав. – Здесь очень много бандитов. Но в городке проблем с ними мало, грабить им тут особо нечего, и, я думаю, многие из них здесь зимуют. Просто мы думаем, что они занимаются чем-то другим. Охотой, например. Или старатели. Украина этих земель, что же вы хотите?

– А такой знак, как череп в петле, не встречали? Вот здесь? – Я показал пальцем на шею.

– Мм-м... нет, не встречал, пожалуй, – покачал головой портной. – А где вы это видели?

– На меня напали, у них как раз такие наколки были. – Я решил от основных подробностей воздержаться.

– Здесь?

– Не совсем. Большой приток километрах в ста выше по течению, слева...

– Лосиная река, – сразу сказал Вацлав. – Там уже никаких правил нет. Кто угодно может жить. Обычно в такой глуши скрываются те, кому вообще никуда ходу нет. Кто даже в этой земле без закона совсем вне закона. Понимаете, кем надо быть, чтобы даже здесь от всех прятаться?

- Понимаю, - усмехнулся я.

Значит, не ошибся, бандиты и есть бандиты. Ну, вероятней всего.

- А женщин здесь мало? - решил я получить разъяснения по самому волнующему вопросу.

Негритянка за машинкой на секунду прервалась и посмотрела в мою сторону. Нет, эта точно не в моем вкусе. Цвет, комплекция и все такое.

- Было очень мало, - ответил Вацлав. - Теперь стало намного больше, с тех пор, как сюда начало попадать много азиаток. Несколько стран присоединилось к программе, и женщин присылают больше, чем мужчин. Черных много.

Портниха покосилась на него, но Вацлав ее проигнорировал.

- Сколько мужчин на одну женщину? - решил я все же уточнить.

- Думаю, что уже не больше трех, - хихикнул портной. - Раньше было намного хуже. Очень много.

Время до того, как мне баню натопят, еще оставалось, так что направился в салун. Вацлав сказал, что там не только выпить и поиграть, но еще и поесть можно. А поесть хочется, если честно. Нет, не просто поесть, а так, чтобы с супчиком, например, наваристым. И с рюмашкой под него. А что? Я заслужил, дошел и все такое, теперь мне за это приз полагается.

Опять начал накрапывать дождь, грязь чавкала под подошвами, но настроение у меня было прекрасным - просто в разговоре с Вацлавом до меня дошло, что я все же добрался до людей. И по большому счету мне сейчас никакие опасности не грозят. Понятное дело, что надо думать, как жить и даже с кем жить и все такое, но вот сейчас у меня есть номер в отеле, то есть крыша над головой, и она даже не протекает, а еще есть деньги в кармане и оружие в кобуре. Ни голод, ни холод, ни даже банды мне сейчас не грозят. Можно взять тайм-аут, подумать и... и что-то придумать, в конце-то концов.

Двери в салун были нормальными, то есть именно дверьми, а не низенькими половинками заборчика из вестерна, которые надо толкать и через которые должны вылетать получившие в морду. Двери как двери, в общем. За дверями оказался на удивление большой зал, который как раз выглядел в лучших традициях вестернов – длинная стойка, столики, в дальнем углу стол для рулетки и стол для крэпа, за стойкой рослый молодой парень с веснушчатым лицом, одетый в белую рубашу под жилетом. На стене за ним бутылки, но выбор не впечатляет – какой-то виски, явно местного разлива, еще водка. На этикетке по-русски так и написано: «Водка Павлофф». Ага, зарулили Смирноффа. И Тинькоффа до кучи.

На дробовик в парусиновом с кожей чехле никто внимания не обратил. В зале пара столиков занята. За одним сидит немолодой, довольно бандитского вида мужик с молодой... тайкой? Филиппинкой? Откуда-то оттуда девушка, круглолицая, маленькая, с длинными блестящими черными волосами, одетая в свитер с высоким горлом. За вторым столиком трое похожих на ковбоев парней, пьют и о чем-то болтают.

Мужик с тайкой, или кто там она, едят. Это обнадеживает. Если здесь есть еда, а у меня есть деньги, то опять же есть высокая вероятность того, что я тоже скоро буду есть.

– Привет, – улыбнулся я бармену. – Ланч получить смогу?

– Без проблем, – встал тот с высокого табурета по ту сторону стойки. – Можем пожарить стейк с картошкой, хочешь?

– Хочу. А суп есть какой-нибудь?

– Тоже картофельный. С мясом, – усмехнулся он.

– А все равно давайте. И... и водки еще хочу. Холодная?

Парень пожал плечами, сказал:

– На полке стоит. А льда у нас нет, сам понимаешь.

Не холодная. Даже теплая. Да и черт с ним, все равно буду.

– Ее часто с клюквенным соком пьют, – добавил парень, кажется, поняв мои затруднения.

– Давай с соком, – кивнул я.

Если не холодная, то пусть хотя бы с соком, ага. Так оно проще. Я вообще водку не люблю, но вот сейчас она вроде как символ. Сто наркомовских, за победу. Дошел – победил, как-то так получается.

Я уселся за стол, а бармен сразу поставил передо мной порцию водки, плещущуюся на дне большого стакана, и еще стакан, уже полный, с клюквенным соком. Морсом скорее, потому что он был явно разбавлен. Идея явно была в том, что я ингредиенты смешаю, но поступать так я не стал – отпил треть водки, а потом решительно запил морсом и откинулся на спинку стула, прислушиваясь к тому, как разливается тепло по телу и слегка немеет лицо. Точно, обязательно надо было водки. Иногда она очень кстати.

Когда принесли суп в большой миске, а трое ковбоев за столиком взялись играть в покер, стало чуть потише. Пара из бандитского мужика и маленькой азиатки так и ела молча. Бармен вернулся за стойку. Я еще водки выпил, и стало еще лучше. Доел суп, допил, а к стейку уже пива попросил. Полирнуть вроде как. Пиво было, в бочонках, его прямо из них разливали, забив кран.

Открылась дверь, в салун вошли еще двое – один в капитанской фуражке и в тельнике под распахнутым бушлатом, прямо киношного вида капитан, второй в кожаной длинной куртке и вязаной шапке. Мне сразу вспомнились те двое, что стояли на носу «Пола Баньяна», но это были не они. А еще удивило то, что они, подойдя к мужику с азиаткой, заговорили по-русски. Затем задвигались стулья, бармен выбежал из-за стойки и понесся к ним, явно предвкушая хороший заказ.

Говорили у меня за спиной про какой-то груз, который то ли не оплатили, то ли что-то еще с ним не так. Не похоже, что это было катастрофой для сидевших за столом, но каких-то хлопот прибавило.

Тут я, признаться, не удержался и обернулся к соседям. Я вообще умеренно общительный, но после двух недель в полном одиночестве, не считая короткой встречи с бандитами, да еще после водки, как-то захотелось поговорить.

- Извините, уважаемые, не помешал?

- Все нормально, - посмотрел на меня бандюковатый. - Чем помочь можем?

Я обратил внимание на «перстни» у него на пальцах - еще по малолетке сидел явно.

- Я тут новый, поэтому просто поинтересоваться хотел, где что есть. У меня карта только на американские городки распространяется.

- Видим, что новый, - кивнул «бандит» на мой свитер. - Сбросили и сюда сам дошел, так?

- Ну да, так. А что, очень заметно?

- Да, по одежде, - сказал мужик в капитанке. - Свитер, портки - так только «выживателей» одевают. А иначе ботинки типа «гады» и свитерок попроще. Семен, - протянул он мне руку.

- Петя, - пожал я его твердую и мозолистую ладонь.

- Николай, - представился мужик в кожаной куртке. - Можно Колян.

- Юра, - это уже «бандит» представился.

Азиатка сидела молча, скромно глядя в свою тарелку. Представлять ее никто не стал. Не заслужила пока, наверное.

- Сам с собой празднуешь? - догадался Юра. - Только дошел?

- Точно. А теперь пытаюсь понять, куда я вообще дошел.

- Тебя в Штатах оприходовали, выходит? - спросил Семен.

- Ага. Я из Аризоны, десять лет как там живу.

- Тогда понятно, почему карта на эту территорию. Русские по Иркуту живут, это приток Гранд-Ривера, двести верст отсюда вниз.

- Прямо своей территорией? - уточнил я.

- Своей, эков у нас много, - засмеялся Юра. - Три городка русских: Нарым, Нерчинск и Желтухино, ну и так, без городов, людей хватает.

- А кто названия давал? - удивился я такому «каторжному» подбору.

- Да кто бы ни давал, а нас не спросили. А как тут еще называть? Каторжные края.

- В Желтухино золотишко мыли, каторги там не было, - заговорил Колян. - Типа русский Клондайк был.

- Хочешь, карту покажу? - предложил Семен. - У меня есть. - Он выложил на стол плоскую кожаную сумку.

- На «Бурлаке» ходишь? - догадался я.

- Верно, капитаном я на нем, - кивнул он, вытаскивая и разворачивая карту. - Вот гляди, вот тут мы. - Его толстый палец ткнулся в точку с надписью на русском «Ред-Рок». - Вот так вниз - и вот Иркут. - Его палец прополз по синей жилке реки, пока не уперся в жилку потоньше, но все равно солидную. - Если по Иркуту пятьдесят километров пройти, будет Нарым. Вот тут, где Завитая в Иркут впадает, так? Еще двадцать верст - и Нерчинск. А если вверх по Завитой тридцать верст - то Желтухино. Но туда навигации нет, мелкая река, только лодками, ну и катер там один бегаёт, чистая плоскодонка. Там, к слову, золотишко и сейчас моют. Правда, понятия там такие, что лучше даже в Завитую не входить, беспредел полный.

– Это точно, – подтвердил Юра. – Понятий там вообще никаких нет. Так что так и запоминай: что от Иркутта к югу – это нормально, там по-людски живем, а вот к северу даже не ходи, уже сплошь нехорошее.

– Так, – уставился я уже в карту. – Доусон ниже устья Иркутта, так? А вот это что?

Я ткнул в маленький кружок на правой стороне Гранд-Ривер, как раз напротив устья Иркутта.

– Это? Это Батлер-Крик, новый городишко, – сказал Семен. – Вот тут два озерца есть, видишь? Там песок стекольный, начали это самое стекло делать, и бойню там поставили, в городок скот гонят со всех сторон. Тут вообще вся земля скотом живет, все остальное так, мелочи жизни. Даже золото это больше себе на карман, не столько туда, – он ткнул большим пальцем куда-то себе за плечо, – сдают, сколько по рукам оно ходит, а вот мясо за все платит. И самое главное – уголь там есть, карьер, целая гора угля, которую с одного боку копают, так что всегда, сам понимаешь, тепло. И сытно.

– М-да? – задумался я.

Как-то идея о перемещении в развивающийся городок мне вдруг в голову пришла. Boomtown, так сказать. Ред-Рок все же окраина всего, это даже по карте видно... Только что я там делать буду? А что здесь делать? Типа уже придумал? Тут в любом случае возможностей меньше.

– А вы как, мимо него пойдете?

– Та даже зайдём, а шо? – спросил Колян. – Туда собрался?

Говорил он с сильным украинским акцентом, из чего я заключил, что края там, наверное, все же не чисто русские. Что и хорошо, в общем-то.

– Мне тут все равно делать нечего, – пожал я плечами. – Первый день здесь, пока, сам понимаешь, корней не пустил. Просто вышел с той стороны, с верховьев.

– Зайдем туда точно, – сказал Семен. – У нас две шаланды на буксире дотуда и груз твой... ты с ним что делать будешь? Там сгрузишь? – Он повернулся к Колян.

– Есть груз, а шо делать – а я не знаю. – Колян взял со стола бутылку водки, посмотрел на меня, затем сказал: – А шо ты там сам по себе сидишь? Давай к нам, отметим твой выход. Эй! – крикнул он бармену. – Ван мор гласс плиз, и давай бегом, по-шустрому, о'кей?

Скромная азиатка немного вздрогнула от его крика, но по-прежнему ничего не сказала.

– Да у меня свой же есть, – сказал я, переставляя со своего стола и стакан пустой, и кружку пива, попутно подумав, что сочетание получается просто атас, если вот так чередовать.

Придвинув свой стул, я уже уселся с компанией. Колян ловко плеснул в каждый из стаканов, сказав попутно:

– Нет шобы пить как люди, рюмками, так одни стаканы тут у них. Ладно, давай за твою удачу, за то, шо дошел! – Он поднял стакан, чокнулся со мной, остальные тоже вполне доброжелательно присоединились, даже женщина, скромно улыбнувшись, подняла что-то цвета клюквенного морса. – О, Петя, ты же сейчас при бабках, так? Купи хорошую вещь, зависла, понимаешь, отдам дешево.

– Колян, не грузи человека, ему щас не до твоих железяк, – засмеялся Семен. – Не слушай его, он, кроме как за торговлю свою, больше ни о чем не может.

– А что за вещь хоть? – спросил я из чистого любопытства.

– Видишь? А ему интересно, может быть, шо ты его обламываешь? – Колян обернулся снова ко мне: – Считай, что оружейная мастерская, машинка там для снарядки патронов, гильз несколько ящичков, капсюля, инструмент всякий – до черта всего. Я это все заказал для мужика одного из Батлера, он там вроде как ган-шоп там хотел открыть, да не свезло – грохнул его кто-то недавно, прямо дома. А я с товаром завис. За штуку все разом отдам.

– Да мы у нас поспрашиваем, сдадим твою мастерскую, – вмешался Юра. – Возьмет кто-нибудь.

– А зачем кто-нибудь? – Я даже почувствовал, как волосы на затылке зашевелились.

Планировал кто-то оружейный открыть и не открыл? Новый город, где у всех дела быстро идут? И это все первым узнаю я, человек, для которого это профессия? И после этого предлагается не верить в судьбу и всякое такое?

– А шо? – снова уставился на меня Колян.

– Я и возьму. Если потом до этого самого Батлер-Крика сможете добраться.

– Та не вопрос, – развел он руками. – Завтра с утра милости просим на шаланду, товар смотреть. Там еще всякого есть, порох и другое, если захочешь. Ладно, давай обмоем. – Он, словно спохватившись, снова взялся за бутылку.

Набрались изрядно, почти в хлам. Компания, как оказалось, жила в том же отеле, так что в баню пошли вместе, разве что без азиатки, и там тоже очень много пили. Знаю, что не полезно, но очень хотелось. Даже пели хором, пока из окон гостиницы не начали сначала орать, а потом не пригрозили открыть пальбу прямо по бане. Мы, чтобы в своих глазах трусами не выглядеть, пригрозили начать отстреливаться, но петь прекратили. Я потом в номер пошел, спать, равно как и Юра, странно выглядевший вполне трезвым, а Колян с Семеном потопали обратно в салун, на «пару кругов на рулетке», с их слов, но я почему-то был уверен, что собрались они в бордель.

Уснул как убитый, задвинув дверь на засов, чтобы враги не проникли, и положив под руку «вакоро», но думаю, что если бы они выломали дверь или даже стены с потолком, я бы все равно не услышал. Клопы, кажется, ночью тоже не кусали, но это уже без гарантий. Могли и волки кусать, все равно бы не почувствовал.

С утра я ощущал себя мятым и тяжело похмельным – намешал вчера. Попутно вспомнил, что так и не купил вчера зубную щетку, а можжевеловых палочек тут тоже под рукой не было. Поэтому долго полоскал рот, потер как-то зубы пальцем, полюбовался в зеркало на заметно опухшую небритую рожу с красными глазами. Точно, никаких сомнений ни у кого не возникнет по поводу

того, как у меня вчера вечер прошел. Ну и ощущения это подтверждают с каждым движением. И рупь за сто – выхлоп от меня такой должен быть, что мухи на лету дохнут.

Затем вспомнил про оплаченный завтрак, кое-как, но быстро собрался и пошел вниз, потому что жрать захотелось как-то сразу и очень сильно. И без особого удивления обнаружил в отельном «дайнере» всю вчерашнюю компанию, только без женщины на этот раз. Вид у них был не краше моего, разве что исключая Юру, он был вполне в норме, а перед каждым из компании стояло по стакану томатного, кажется, соку. Или это «красное пиво» – классическое американское похмельное средство из томатного сока и как раз самого пива?

В дайнере – простеньком, деревянном и даже, кажется, еще деревом и пахнущем – было людно и шумно. Похоже, что постояльцев в отеле хватало, а может, и еще кто-то ходит сюда завтракать. Почему нет? Мои новые компаньоны оккупировали дальнюю от входа кабинку с шестиместным столом, сейчас уставленным тарелками. Все радостно поприветствовали меня, вошедшего, и я плюхнулся на стул рядом с Коляном.

– Это что у тебя? – первым делом спросил я его, указав на стакан.

– Голову лечу. – Он даже пальцем постучал себе по лбу, чтобы я, видимо, не перепутал, где у него голова. – Хочешь?

– Понятное дело, а то ведь сдохну сейчас, – ответил я со всей доступной искренностью.

Голова и вправду трещала. Хоть опохмелка и худшее из зол, но будем считать, что сегодня тоже повод есть. Как следствие повода вчерашнего.

– Тебе просто с пивом или сказать, чтобы водочки тоже плеснул? Или просто с водочкой? А? – проявил Колян заботу.

– А у тебя с чем?

– Та у меня «Блядская Машка» там, – гыгыкнул Колян, поболтав жидкостью в стакане. – Очень помогает от головы.

– «Bloody Mary», что ли?

– Она самая, – кивнул он с довольным видом.

– Я лучше с пивом, – решил я с утра таких подвигов не совершать.

– Пиво с утра – шаг в неизвестность, – подал голос заметно охрипший Семен.

Ну да, а если с водки начать, то никакой неизвестности, так и понесешься по колее, к следующей опохмелке.

– Та не, дел полно, – ответил за меня Колян, отмахнувшись от такого к нему незаслуженного недоверия. – Мы сегодня если тока по чуть-чуть совсем. А тебе вообще нельзя, ты нас завтра везешь.

Огромный гренок, два яйца, сосиски и бекон. И «красное пиво», две порции, без водки, понятное дело, после которых острые судороги в голове немного ослабли. Колян с Семеном, кажется, похмельными не были, а просто еще не протрезвели со вчерашнего. Из-за стола их Юра поднял, который был явно за главного, сказав:

– Хорош бухать, дел полно. Давай, сворачиваемся.

– Если мастерскую покупаешь, то пошли с нами, – перешел на деловые мысли Колян.

– Ага, пошли.

Покупаю. Обязательно покупаю. Не то чтобы стопроцентно уверен в успехе такого начинания, особенно учитывая тот факт, что я даже города самого ни разу не видел, куда ехать собрался, но зато дело появилось. Понятно, чем буду заниматься. И само дело знакомое. Так что нечего долго думать. Кстати, я даже настоящей цены на все это не знаю, может, меня обуть в три раза хотят, а я и проверить не могу – ну и черт с ним. Понравится – куплю.

Потом всей компанией пошли к пристани. Всю ночь дождик капал, да и сейчас не закончился, так что улица совсем раскисла, шли под самыми стенками,

где и трава местами сохранилась, и просто повыше было. Из разговоров попутных выяснил, кто здесь кто. Юра – хозяин «Бурлака» и трех «шаланд». Что это за «шаланды», я пока не понял. Семен на него работает, водит буксир, капитан, значит, правая рука. Колян же – просто приятель, у него одна шаланда, и с Юрой он ходит в рейсы постоянно. Как это все выглядит в реальности – позже разберусь, так пока не понял.

Впрочем, что такое «шаланда», я выяснил сразу, как только мы к пристани спустились по длинной пологой деревянной лестнице с широкими ступенями. У причалов в рядок стояло несколько огромных лодок или, скорее, маленьких барж, увешанных со всех сторон веревочными кранцами, у каждой на палубе по надстройке с трубой. Из всех труб тянуло дымком, похоже, что шаланды совсем без присмотра не оставались.

– Видал такие раньше? – спросил меня Семен.

– Не довелось.

– Вот и мне не доводилось прежде, – кивнул он. – А тут так торговцы живут. Своя шаланда, а тяга арендная. Буксиру платишь, и тот тебя сзади цепляет докуда надо. Как вагоны на железке. Колян вон с нами почти во все рейсы ходит.

– А то ж, – сказал Колян, после чего гаркнул: – Васька, уснул там, что ли?

Почти сразу же открылась скрипучая дверка надстройки и на палубу высунулся рослый и плечистый мужик лет под пятьдесят, с широким обветренным лицом и с «кучерским» дробаном в руке. Огляделся, увидел Коляна, кивнул и спросил хриплым басом:

– Че орешь, хозяин?

– Та думал, шо ты харю там топчешь, а уже день в разгаре, дел полно. Вставай уже.

– Ага, я вижу, – кивнул Васька, взглядевшись в лицо босса и картинно принюхавшись и помахав широкой ладонью, словно мух отгоняя. – Завалило тебя делами, точно.

– Покупатель у нас, – солидно представил меня Колян помощнику. – На ту мастерскую, шо в Батлера везли.

Васька посмотрел на меня оценивающе, вроде как пытаюсь определить, насколько я трезв и насколько со мной можно дело иметь, потом махнул рукой, приглашая подняться на борт:

– Заходи, покажу все.

Ушли из Ред-Рока мы на следующее утро. День перед этим не то чтобы совсем трезвым прошел, но и не напился. Так, посидели чуток разве что, подлечились. С утра пораньше пришли на пристань, где Колян устроил меня на постой в одном помещении с Васькой – в принципе, в обычной маленькой избе, крытой сосновым гонтом, стоящей на палубе шаланды. Просторной ее никак назвать было нельзя, но для двоих ее за глаза хватало – сам Колян жил в маленькой каюте на борту «Бурлака».

– Удобства любит, – вполне даже одобрительно к такой прихотливости пояснил Васька, растапливая плиту. – Только тут удобней. Чаю хочешь?

– Чаю хочу.

– Сейчас будет. – Он бухнул на чугунную плиту большой закопченный чайник.

Васька оказался попутчиком отличным – и сам не болтлив, и на вопросы отвечать ему не лень в то же время. Впереди у нас было два дня пути, так что времени расспросить, как что и где, хватало. В «палубной избе» было тепло, сухо, уютно, пахло дымком из печи и свежим деревом, так что путешествовалось со всем возможным комфортом.

Сам Васька здесь уже лет семь провел и смирился с мыслью о том, что это навсегда. Сидеть ему раньше доводилось, в молодости за хулиганку, так что сравнить возможность была.

– Это же не зона, – говорил он, покуривая сигарету. – Я сам считай, что из деревни, из ПГТ, так что почти так и жил. Нормально. Даже если

и навсегда, то я не в претензии, проживу, пока не помру, такие дела.

– А без женщин как?

– Ну как, – он хмыкнул, – блядей много, например. А постоянную с такой жизнью, – он потопал ногой в палубу, намекая на кочевой образ жизни, – и не заведешь, такие дела. Но сейчас лучше, последние года три вот таких много появилось, как у Сома. – Он ткнул сигаретой в сторону дымившего впереди буксира.

– У Юры, что ли?

– Ага, Сомом его погнали вообще, такие дела. А эту, что с ним, он в Доусоне подобрал, там теперь азиаты чуть не брачную контору открыли. Со всех стран везут, даже не поймешь, за что там баб так сажать начали. Такие дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В оригинальном кольце 1873 года старались камору под курком держать пустой, боек опирался прямо на капсуль, что могло привести к самопроизвольному выстрелу, при падении оружия например.

Сэм Пекинпа – знаменитый кинорежиссер, специализировавшийся в жанре «вестерн».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-kruz/vne-zakona>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)